

ДЕОНИД
ЮЗЕФОВИЧ

ШКОЛА
ГЕРОЕВ

ВЕРНЫ ПОДВИГУ ОТЦОВ

ЛЕОНИД
ЮЗЕФОВИЧ

ШКОЛА ГЕРОЕВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ
В РАССКАЗАХ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

**Алексей
Вениаминович
ГАШКОВ**

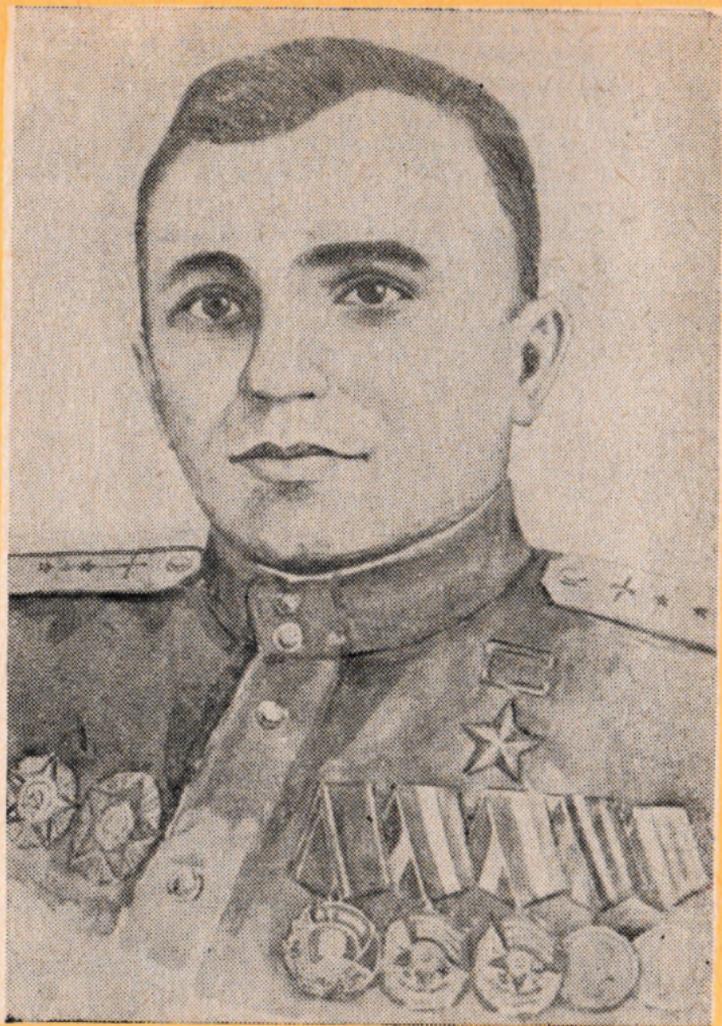
Поступил в 1940 году в Челябинскую школу военных штурманов. С ноября 1941 года участвовал в боях. Был штурманом эскадрильи. На фронте стал коммунистом. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды.

Звание Героя Советского Союза присвоено 29 июня 1945 года.

Сложное и трудное задание получил Гашков 12 июня 1942 года: надо было разбомбить химкомбинат в городе Кириши. При подходе к цели самолет обстреляли. Левую полукоробку мотора разбило прямым попаданием снаряда. Ранило командира. Но он нашел в себе силы и сделал второй заход на цель. Боевое задание было выполнено.

Летчик совсем ослаб от потери крови и временами терял сознание. Тогда штурман Гашков взялся сам за управление и благополучно привел самолет на свой аэродром.

Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»

**Евгений
Михайлович
ЕЖОВ**

По специальному комсомольскому набору был направлен в военное училище летчиков. В Великой Отечественной войне участвовал с 1942 года. Был заместителем командира эскадрильи в гвардейском штурмовом полку. Дважды награжден орденом Красного Знамени, а также орденами Отечественной войны, Красной Звезды. На фронте в 1944 году вступил в члены КПСС.

Звание Героя Советского Союза присвоено 26 октября 1944 года.

Евгений Ежов был на редкость изобретательным и находчивым летчиком. Он быстро принаравливался к любой обстановке, не терпел шаблона, но никогда не изменял одному правилу: действовать дружно. В интересах выигрыша боя или безопасности он искусно пользовался то облачностью, то рельефом местности, то солнцем. Неожиданно выйдет к цели, атакует противника и уйдет от преследования.

Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»

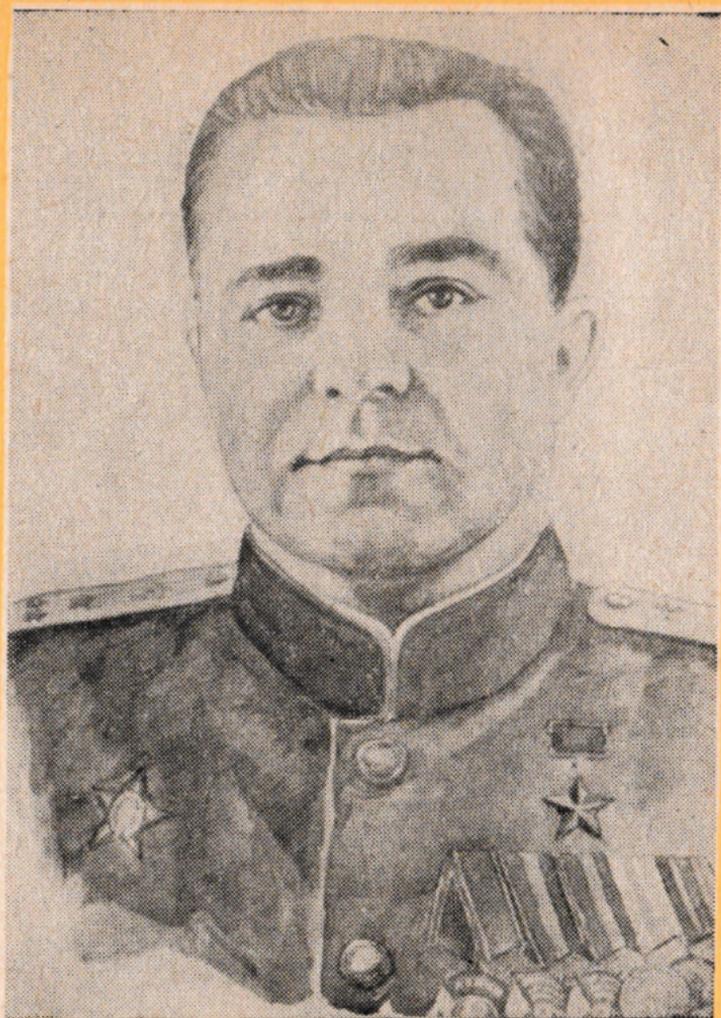
**Михаил
Александрович
КОСЯКОВ**

Работал слесарем пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина. Служил в органах ГПУ. Вступил в ряды Коммунистической партии в 1921 году. В годы Великой Отечественной войны воевал в кавалерийском полку, командовал взводом. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы III степени.

Звание Героя Советского Союза присвоено 27 февраля 1945 года.

Зимой сорок пятого Косяков первым из полка под огнем переправился на вражеский берег по льду реки, лежа на доске, скользя между полыньями от снарядов, каждую минуту рискуя очутиться в черной ледяной воде. Но все-таки добрался, с трудом отодрал от шинели обледенелую доску, занял позицию и пулеметным огнем поддержал переправу товарищей. За этот бой Михаилу Косякову и было присвоено высокое звание.

Из материалов музеев
завода имени В. И. Ленина
и школы № 47

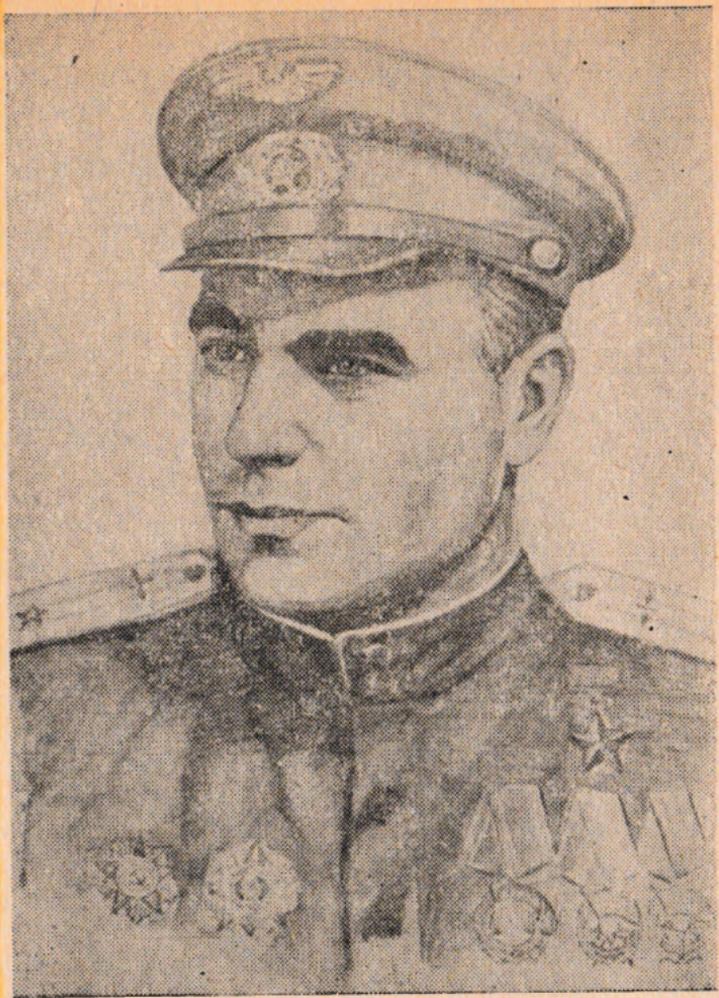

**Анатолий
Ильич
КРОХАЛЕВ**

Окончил авиационное училище, стал летчиком-бомбардировщиком морской авиации. Во время боев с белофиннами в 1939—1940 годах капитан Крохалев командовал эскадрильей бомбардировщиков. За образцовое выполнение боевых заданий командования 7 февраля 1940 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Точности, стойкости, самообладанию в любых условиях учил своих летчиков капитан Крохалев. При одном боевом полете он чуть не стал пылающим факелом. На нем загорелся меховой комбинезон. Встречный ветер раздувал огонь, через мгновение мог вспыхнуть весь самолет. Крохалев, не оставляя управления самолетом, по частям сорвал с себя горящую одежду и привел машину на базу.

**Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»**

**Сергей
Федорович
КУФОНИН**

Окончил школу пилотов. В годы Великой Отечественной войны был штурманом Краснознаменного штурмового авиационного полка. На фронте в 1943 году вступил в члены КПСС. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Александра Невского.

Звание Героя Советского Союза присвоено 23 февраля 1945 года.

Противник к моменту наступления наших частей подтянул в этот район крупные силы танков, артиллерии и пехоты. Очевидно, гитлеровцы рассчитывали сломить наше наступление и перейти в контр-наступление.

Под ураганным огнем зенитной артиллерии штурмовики Куфонина нанесли сокрушительный удар по врагу. Его замысел был сорван. Советские войска продолжали стремительное наступление.

**Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»**

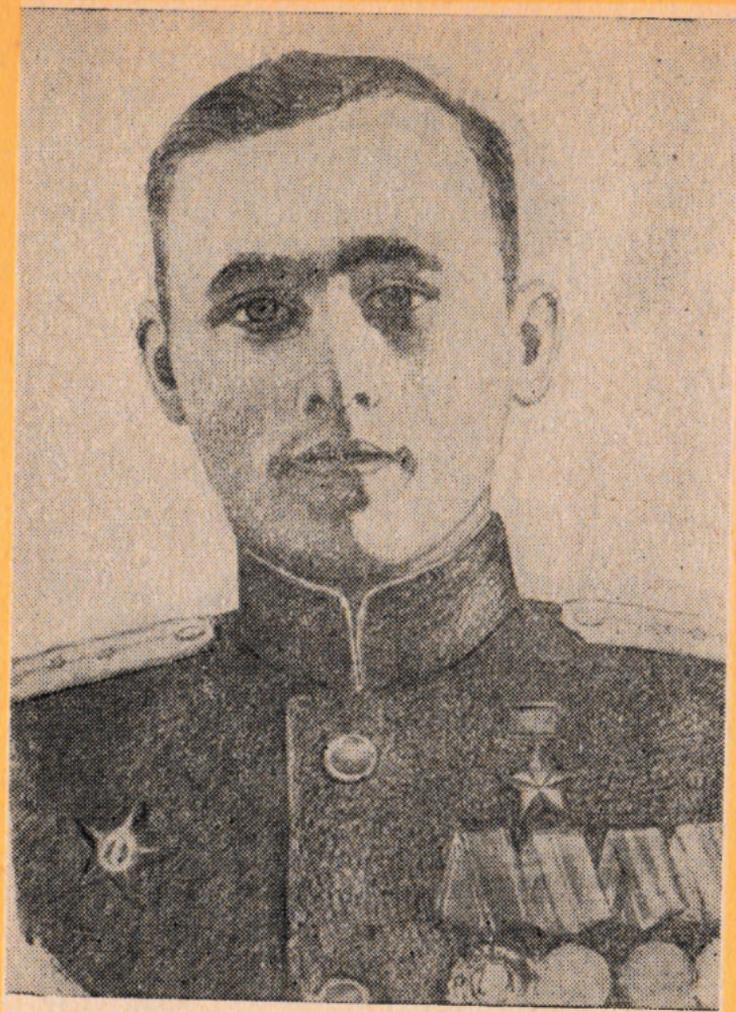
**Григорий
Григорьевич
ЛЯДОВ**

Закончил авиационное училище. В боях на фронтах Великой Отечественной войны принимал участие с октября 1941 года. Был летчиком-наблюдателем разведывательного авиационного полка. Награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны. Член КПСС с 1943 года.

Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 26 октября 1944 года.

...В 1943 году полк, в котором служил Лядов, стал разведывательным. Это была труднейшая работа: под огнем вражеской зенитной артиллерии и истребителей вскрывать оборону противника. Добытые им сведения всегда отличались правдивостью и точностью. В полетах на задания не раз приходилось ему вести воздушные бои с истребителями врага.

**Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»**

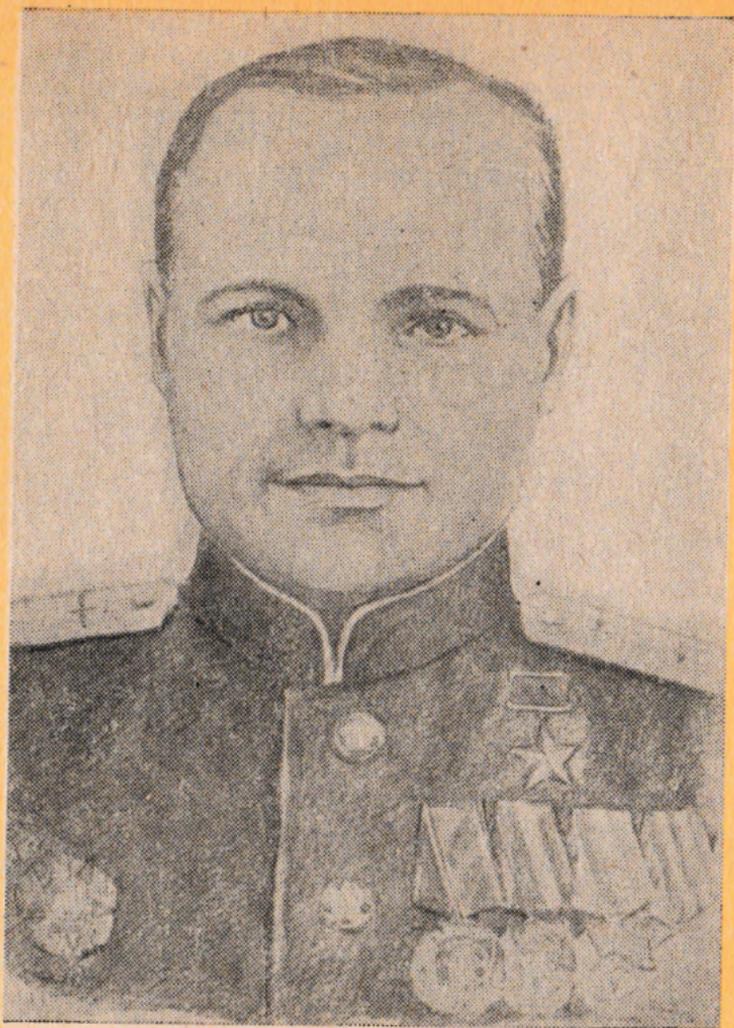
**Василий
Афанасьевич
ПОЛЫГАЛОВ**

Осенью 1939 года ушел служить в армию. На фронте вступил в ряды КПСС. Командовал стрелковой ротой Краснознаменной стрелковой дивизии.

Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1944 года.

Три раза Польшгалов поднимал свою роту в атаку, чтобы отбить контратаки врага. Когда по шоссе гитлеровцы бросили свою колонну, Польшгалов внезапно вырвался на шоссе, а за ним последовала вся рота, открыв шквальный огонь. Из автомата Польшгалов в упор сразил вражеского офицера. Завязалась рукопашная схватка. Старший лейтенант сразил еще одного офицера и захватил его полевую сумку с документами.

Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»

Владимир
Ильич
САФОНОВ

В 1938 году окончил школу летчиков. Работал в этой школе инструктором. В 1942 году получил назначение в бомбардировочную авиацию. Командовал эскадрилей. Награжден шестью орденами.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

Майор Сафонов не раз водил свою эскадрилью на самые ответственные задания. Он успешно громил живую силу и технику врага в битвах на Волге и под Ленинградом, в боях за освобождение Орла и Белгорода, Брянска и Харькова... Храбрый сокол совершил немало полетов в глубокий тыл врага, бомбил Кенигсберг, Берлин и другие города. Всего он совершил в дальний тыл 270 боевых вылетов.

Из книги «Золотые
Звезды Прикамья»

В школе собирались встречать новый, тысяча девятьсот тридцать девятый год...

По традиции новогодний вечер проводили один для всех классов — с первого по десятый, и готовились к нему долго и тщательно: маскарадные костюмы, самодеятельность, поздравления ударникам учебы. Все как всегда, но на этот раз в глубокой тайне, ведомой лишь избранным, шла особая работа. Шестеро лучших художников школы рисовали дружеские шаржи на своих одноклассников. На всех без исключения. Сотни маленьких портретов! Затем их вырезали, наклеивали на кружочки из картона, в которые продевались петельки из ниток.

К началу зимних каникул этот титанический труд был завершен.

Старшеклассники сами привезли из леса елку, и когда в назначенный срок распахнулись двери рекреации второго этажа, где обычно проходили школьные вечера, столпившиеся на лестнице ребята на мгновение замерли, пораженные невиданным зрелищем.

Празднично пахло смолой и хвоей, но на огромной раскидистой елке, чью макушку венчала темно-красная, как на кремлевских башнях, пятиконечная стеклянная звезда, на великоленной, до потолка, елке не висело ни одной игрушки. Вся она сверху донизу покрыта была чуть шелестящими на сквозняке, оплетенными серебряной канителью портретами самих же ребят.

Что тут началось!

С криками и хохотом все столпились вокруг елки. Привставая на цыпочки, выискивали себя и своих друзей, и каждая такая находка вызывала взрыв восторга.

На верхних лапах елки можно было разглядеть портреты учителей и директора, Николая Петровича Мингалева, сжимающего в руке молнию — грозный бог-громовержец, но одновременно и преподаватель физики, который накоротке с таинственной силой электричества. Вот военрук Петр Александрович Ветосhev, облаченный в кольчугу и шлем древнерусского витязя... Все тут! Десятиклассники, потом девятиклассники, и так до самых нижних веток, украшенных веселыми изображениями малышей.

Никто не был забыт. Ни один человек.

Триста портретов на новогодней елке, столько же мальчишек и дев-

чонок было в школе № 47. Год рождения — с двадцать первого по тридцать первый. Скоро старшие из них встанут к заводским станкам, уйдут на поля сражений Великой Отечественной. Какие дороги им суждено пройти? Кто сгорит в прокатившемся над страной огненном смерче? Кто уцелеет?

Один из древнерусских былинных князей перед походом заставлял своих воинов бросать в реку щепочки-жребии: чьи на дно утянет, тем убитыми быть, чьи быстрина унесет, тем ранеными быть, а чьи к бережку прибьет, тем живыми быть. Только последних и взял в поход.

Если бы так можно было в сорок первом...

В МОТОВИЛИХЕ, НА ХОЛМЕ

Летом 1945 года Герой Советского Союза сержант Михаил Александрович Косяков, химик 1-го эскадрона 56-го гвардейского кавполка 14-й Мозырьской Краснознаменной кавалерийской дивизии, на своем коне Смелом из Германии возвращался домой. Обгоняя конников, пронеслись на восток эшелоны с бойцами, но им, кавалеристам, с высоты седла вдруг видно стало, как много оставили за собой по пути до Берлина воинских кладбищ. Когда шли на запад, не замечали — не до того было. А теперь... Тянутся, тянутся вдоль дороги солдатские могилы. Сняв кубанки, проезжают мимо них всадники.

Из всего эскадрона, в котором

начинал воевать Михаил Косяков, до Берлина дошли только четверо. Он — пятый.

Зачислен был в эскадрон химиком, но пришлось и в атаки ходить, и взводом командовать. Зимой сорок пятого он первым из полка под огнем переправился на вражеский берег по льду реки — без коня, лежа на доске, скользя между полыньями от снарядов, каждую минуту рискуя очутиться в черной ледяной воде. Но все-таки добрался, с трудом отодрал от шинели обледенелую доску, занял позицию и пулеметным огнем поддержал переправу товарищей. За этот бой Михаилу Косякову присвоено было звание Героя Советского Союза.

Он освобождал узников концлагеря Майданек в Польше, а уже в самом конце войны несколько раз ходил парламентаром к гитлеровцам: в новой форме, в начищенных до блеска сапогах, надев все ордена и Золотую Звезду, шел, не зная, вернется ли живым — часто случалось, что фашисты стреляли по нашим парламентарам.

Первой мирной осенью Михаил Косяков приехал в Пермь, в Мотовилиху, где не бывал много лет. Здесь во время войны жили его жена и дети.

Он поднялся в гору. С наслаждением ощущая на лице влажный камский ветер, сверху поглядел на площадь, откуда четверть века назад с бойцами продотряда уходил добывать хлеб для мотовилихинских рабочих, нашел глазами крышу цеха, в котором тринадцатилетним пацаном рядом со взрослыми встал за слесарные тисы.

Затем прошелся по висимским улочкам,

вдохнул с детства знакомый, странно волнующий запах дыма от сжигаемой на огородах картофельной ботвы. Постоял возле родной школы. Прежнее двухэтажное здание стало трехэтажным, вокруг шумели деревья.

Смотрел на школьный подъезд, на истертые тысячами ребячьих ног, выросшие в землю каменные ступени крыльца и видел себя мальчиком, Мишей Косяковым. Ему десять лет; сжимая в руке связанные ремешком книги, осторожно входит он в белый дом под железной крышей, казавшийся тогда огромным, как дворец.

Это было в 1913 году...

Михаил Косяков знал, что за три года до того, как он впервые взобрался на это крыльцо, рабочие Мотовилихинского казенного пушечного завода ходатайствовали о строительстве новой школы на Висимском холме. Старое деревянное здание было переполнено, земским учителям все труднее становилось учить ребятшек.

Подали прошение губернатору и получили решительный отказ.

Однако рабочие не успокоились. Была составлена другая петиция, и на этот раз не в губернию, а в Петербург, на высочайшее имя — царю. Подписи под ней начал собирать энтузиаст народного просвещения мотовилихинский учитель Василий Иванович Билев. Помогали ему коллеги и ученики.

Михаил Косяков помнил, как отец, вернувшись с завода, рассказывал: «Днем станок выключил, перекусить присел, что мать с собой дала, гляжу — чей-то пацаненок ко мне подскакивает. Карандаш в руке и бумага.

Подпишись, говорит, дяденька, чтоб нам школу новую построили. Каменную...»

В короткий срок удалось собрать около пяти тысяч подписей: уверенные росчерки, неумело нацарапанные печатные буквы, крестики неграмотных. Пять тысяч человек просили об открытии новой школы — почти половина всего населения тогдашней Мотовилихи. С этой петицией Билев сам отправился в Петербург, и после унижительной двухлетней волокиты милостивая резолюция была наконец наложена. Проект школьного здания безвозмездно выполнил сын учителя-энтузиаста, молодой архитектор Александр Билев.

Денег на строительство отпустили немного, не расщедрились — едва хватило на материалы. По воскресеньям, а то и в будние вечера, отстояв смену у станков и печей, школу для своих детей бесплатно строили сами мотовилихинские рабочие, среди них — Александр Иванович Косяков. Второй этаж еще не был достроен, а на первом уже начались занятия. В одном крыле учились мальчишки, в другом — девочки.

...Михаил Косяков стоял возле школы, где теперь, как и во многих других школьных зданиях, разместился госпиталь, и от воспоминаний кружило голову: память детства и юности словно бы оттаивала после всех тех лет, когда война заставляла думать только о сегодняшнем дне. Он вновь слышал запах краски и свежей стружки, веющий в школьном коридоре, а над потолком класса, перебивая голос учителя, раздавались шаги, стук мастерков — отец с товарищами достраивали второй этаж.

Теперь Михаилу Косякову было сорок два

года — время, когда человек ищет свои корни в этом мире. Может быть, кто-то начинает искать их и раньше, но ему раньше было некогда: воевал, строил, опять воевал.

Он вспомнил, что прадед его, крепостной графов Строгановых, работал еще на Мотовилихинском медеплавильном заводе, что дед был первым машинистом знаменитого 50-тонного парового молота и, по семейной легенде, колот этим молотом орехи, мог разбить на часах стекло, не повредив механизм. Отец, токарь снарядного цеха, в 1905 году стал большевиком, сидел в верхне-туринской каторжной тюрьме, сражался с колчаковцами.

И он, Михаил Александрович Косяков, потомственный пролетарий, ставший продотрядовцем, чекистом, строителем и солдатом, ощутил себя частицей Мотовилихи, плотью от плоти этой удивительной земли...

В 1863 году остыли старинные, со времен Петра I стоявшие здесь, медеплавильные горны, загудело пламя в доменных, а затем и в мартеновских печах — первых в России. В Мотовилихе построен был казенный пушечный завод, и через шестнадцать лет губерния уже потрясена мощной забастовкой уральских пушкарей. А в первый год нового, двадцатого века они уже читали, до дыр зачитывали, передавая из рук в руки, номера ленинской «Искры». Стачки следовали одна за другой, одна грознее другой.

В цехах огласили обращение губернатора Цехановского к мотовилихинским рабочим: «Я, пермский губернатор, объявляю и разъ-

ясняю, что стачки и забастовки строго запрещены и преследуются законом и виновные в подстрекательстве и неявке на работу будут наказаны по всей строгости закона...»

В ответной листовке Пермского комитета РСДРП говорилось: «Да, мы не царские холопы, мы — революционеры, мы не можем мириться с тем правительством, которое своими законами и беззаконием загородило нам путь к новой, лучшей жизни, где мы, рабочие, будем — всё, а бездельники и тунеядцы — ничто!»

В 1903 году мотовилихинцы провели первую маевку. На окраине Висима, в лесу, подалее от шпиков и полиции, звучали призывы к борьбе, развевалось красное знамя, а невдалеке, у дороги, сидели, будто собравшись на пикник, веселые парни и девушки с гитарами — верные пикетчики революционеров.

И не случайно двумя годами позднее пермских жандармов предупреждали из Петербурга, что В. И. Ленин при возвращении в Россию в числе прочих конспиративных адресов может воспользоваться и следующим: «Мотовилихинский, Пермской губ., пушечный завод...»

Пушкарская слобода всегда была надежнейшим оплотом большевиков.

Восьмого декабря 1905 года остановились поезда на всех двадцати девяти железных дорогах Российской империи — началась всеобщая забастовка. Листовки забелели на мотовилихинских заборах, на телеграфных столбах вдоль Большой улицы: «Свобода или смерть! К оружию, граждане! В ряды Россий-

ской социал-демократической рабочей партии! Да здравствует вооруженное восстание!»

Узнав о том, что московский пролетариат взялся за оружие, вышли на баррикады и рабочие Мотовилихи. Двухдневной неравной борьбой руководили большевики Яков Кузнецов, Андрей Юрш и Александр Борчанинов, чье имя носит теперь школа № 47. Со своими дружинниками он оборонял баррикаду на Большой улице, потом уехал в Ижевск за новой партией оружия, привез винтовки, но остаться в городе не смог — восстание было подавлено, шли аресты. Через полгода в Киеве его выдал провокатор.

А в ноябре 1917 года, проведя десять лет в тюрьмах и якутской ссылке, Александр Лукич Борчанинов был избран первым председателем объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов Перми и Мотовилихи.

С мотовилихинскими красногвардейцами он участвовал в подавлении белоказацкого мятежа атамана Дутова в Оренбурге, был комиссаром легендарной 30-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера, командовал особым лыжным отрядом, сражавшимся в Сибири против Колчака.

На всех фронтах гражданской войны можно было встретить бойцов и командиров из Мотовилихи. После победы они возвращались на берега Камы, разводили пламя в холодных печах, запускали станки и уезжали снова — туда, где нужны были их золотые руки, их знания, опыт, преданность революции. Они восстанавливали разрушенные предприятия Урала и Сибири, а в годы первой пяти-

летки с их помощью построен был в Свердловске знаменитый гигант — Уралмашзавод.

И сам обновленный Мотовилихинский завод набирал силу, выпускал станки и сельскохозяйственные машины, локомотивы и драги — все то, в чем нуждалась молодая республика, вставшая на путь индустриализации. Грохот кузнечных молотов долетал до Висимского холма, врывается в окна школы, и ребята, сидевшие за партами, знали: это шумит время.

МЫ ИЗ ОТРЯДА КОМИНТЕРНА

Лето, жара, пыльные улицы, усеянные подсолнуховой лузгой. Два с половиной десятка ребят колонной идут по 1-й Висимской: стучат башмаки с веревочками вместо шнурков. Одеты кто во что, но у каждого повязан красный галстук — материнская кумачовая козынька. За плечами мешки, у поясов побрякивают выдавшие виды солдатские манерки.

Пионерский отряд имени III Коммунистического Интернационала, созданный при школе № 1 (свой нынешний номер 47 она получит еще не скоро, лишь в 1938 году), направляется в летний лагерь.

Впереди развевается отрядное знамя, рядом шагает комсомолец

Петр Дерендяев — вожатый. На груди у него, на шнурке, болтается пузатый, так называемый морской свисток, заменяющий сигнальный горн. По бокам колонны несут посохи со значками звеньев.

Свернув на людную Большую (теперь — улица 1905 года) улицу, подтянулись, выровняли ряды. Свисток! Извозчичья лошадь вздрагивает от звонких ребячьих голосов:

Ребята, в ногу!
Ребята, верно!
Мы из отряда
Коминтерна!

Идут первые пионеры: Валя Ворожко, Валя Гневашева, Леня и Вася Шиндейкины, Саша и Оля Мишарины, Тася Ивкина. Всего двадцать пять человек. Сила!

На станции сели в поезд, идущий до Ласьвы. Там заводские шефы арендовали у крестьян два дома — первый в Мотовилихе летний пионерский лагерь.

По деревне тоже прошли строем, с удовольствием примечая восхищенные лица местных ребятшек. Но уже два-три косых взгляда брошены из окон. Уже встреченный по дороге старик перекрестился вслед и зло сплюнул себе под ноги, а какая-то женщина выплеснула помой на улицу, прямо перед марширующей колонной. Вот и гнилая картофелина вылетела из-за ограды, просвистела над головами. Ого! Здесь нужно держать ухо востро.

И первым делом, едва разместились по домам, учредили пост у отрядного знамени — днем и ночью, сменяясь, его будут охранять часовые.

Вечером на берегу Ласьвы загорелся костер. Картошка печется в золе. Булькает в манерках ароматный чай, заваренный смородиновым листом.

— Споем? — спрашивает вожатый.

И Зина Григорьева запекает озорную песню, которую пели еще в районном клубе «Юный пролетарий»:

Раньше то и дело делал,
Что по улице я бегал,
Кошек мучил, бил собак,
Настоящий был босяк.

Все подхватывают:

Жура-жура-журавель,
Журавелька молодой!

Зина продолжает:

А теперь-то мне забота,
Зубы чистить — вот работа,
Руки мыть, ноги мыть
И сырой воды не пить.

И снова:

Жура-жура-журавель,
Журавелька молодой!

Но на самом-то деле у веселого мотовилихинского журавельки есть иные заботы, куда как более серьезные. В годы разрухи он расчищал заметенные снегом железнодорожные пути, заготавливал дрова для детских учреждений. Да и вопрос о том, сырую пить воду или кипяченую, это вопрос вовсе не шуточный в те годы, когда кругом свирепствует тиф, а в столовой потребобщества до сих пор висит плакат, сохранившийся с гражданской войны: «Грязь — пособник Врангеля!»

В 1923 году мотовилихинская пионерская

дружина имени Красного Флота разделилась на школьные отряды. В школе № 1 отряд помогли организовать заводские комсомольцы Павел Гордеев, Василий Мишарин, Антонина Кайгородова, завуч Клавдия Николаевна Собакинских, учитель биологии Мария Игнатьевна Луканина.

Каждый член отряда должен был овладеть азбукой Морзе, научиться подавать сигналы флажками, читать топографическую карту, знать приметы погоды, уметь оказать первую медицинскую помощь...

Так ли уж необходима в обыденной жизни азбука Морзе? Да, это была игра, но и не только, вернее — не просто игра. Казалось, «пожар мировой» уже не за горами, и мирная жизнь воспринималась как передышка, которую нужно использовать для подготовки к грядущим битвам. Мальчишка над топографической картой, доставшейся ему от старшего брата, бойца Восточного фронта борьбы с мировой контрреволюцией (так во время гражданской войны назывался колчаковский фронт), и девчонка, продающая на улице букетики полевых цветов, чтобы вырученные деньги отдать на нужды «узников капитала», — оба они готовились к одному будущему.

А пока... Пока разгружали вагоны с углем, разбивали клумбы. Сами, без помощи взрослых, оформили фасад школы к празднованию 8-й годовщины Октября. Занимались на дому с теми сверстниками, которые работали на заводе и не могли учиться. Много времени проводили в клубе для беспризорных и безнадзорных (было в те годы такое разде-

ление) детей, где по вечерам собирались ребята, истосковавшиеся по теплу, по человеческому участию.

Одного такого беспризорника, приклатненного нахального Котю, ночевавшего на станции, привели в школу. Недели две он жил в пионерской комнате. Хлопот с ним оказалось порядочно — воровал, дрался. Но однажды кто-то из ребят вечером заглянул в пионерскую комнату: грозный Котя сидел на полу и, что-то бормоча, сам с собой вдохновенно играл в настольную игру для малышей: «Волк и семеро козлят».

Потом его устроили в детский дом, куда проводили торжественно, всем отрядом. Он по-блатному шел: вразвалочку, руки в карманах, поплевывал сквозь зубы, но, когда на прощание ему подарили ту самую игру, потрясшую его воображение, которую он пытался украсть, да был пойман, когда протянули ему коробку с картонным волком и бумажными козлятами, гордый Котя не выдержал и заревел, громко хлюпая веснушчатым носом.

Позднее он часто приходил в гости, участвовал в отрядных сборах.

А игра «Волк и семеро козлят» предназначалась для малышей. При отряде существовали стаи «волчат» и «птенчиков» — так именовали октябрятские группы мальчиков и девочек. Первой октябрятской вожатой стала Зоя Байшева.

...Догорел костер, выпит чай, съедены окуньки, которых завернутыми в листья лопуха испекли на углях. Лазутчики проверили, хорошо ли охраняют часовые отрядное

знамя. Охраняют хорошо, бдительно. Значит, можно спать. Завтра — новый день.

Через полвека, выступая на сборе дружины в школе № 47, Надежда Макаровна Слудянина рассказывала:

— Я была в лагере санитаром. В сумке у меня лежали бинты и два лекарства на все случаи жизни: йод и вазелин. Кто-нибудь перегреется на солнце, идет ко мне: «Голова болит...» Подумав, я принимала глубокомысленное решение: «Помажь лоб вазелином и доложи через час!» В отряде полагалось докладывать о выполнении каждого поручения. Вообще дисциплина у нас была отличная, потому что никаких тебе лишних запретов. На отрядном сборе сами установили, что можно и чего нельзя. Это была именно дисциплина, а не послушание. Может быть, поэтому жили весело, дружно. Хотя и бедно. Спали в избе на полатях. Кроватей не было. Мальчики сколотили из досок стол и скамейки, девочки выскоблили их осколками стекла, и получилась прекрасная столовая под открытым небом. Готовили сами. Сервировка, разумеется, самая незамысловатая: железная тарелка, жестяная кружка. Главное блюдо — вареная картошка. Ее ставили на стол прямо в чугушке. Зеленый лук считался у нас большим лакомством...

В лагере прожили три недели. Играли в футбол и в «таинственный свисток», учились бросать гранаты, строить шалаши и землянки.

Смастерили луки и стреляли по мишеням. И, конечно, работали: пилили и кололи дрова семьям красноармейцев, пропалывали огороды у стариков, оформили избу-читальню. Здесь же давали концерты, выступала агитбригада «Синяя блуза»...

Под балалайку запевал хор:

Вечером кума Матрена
В божий храм пришла.
Пятачок кума Матрена
Дьякону дала.

Тем временем разворачивалось само действие. Петр Дерендяев с приклеенной мочальной бородой принимал монетку у Сони Архиповой; по-старушечьи повязав платок, она просила:

Упокой мне оптом души
Катерины, Марфы, Груши,
Парамона, Спиридона,
Да за здоровье Семена
Помолись, дьячок!
Вот те пятак.

И опять вступал хор:

Дьяк тех денег брать не хочет,
Покраснел, как рак.
На несчастную Матрену
Рассердился дьяк.

Петр Дерендяев стучал палкой об пол:

Упокоить оптом души
Катерины, Марфы, Груши,
Парамона, Спиридона,
Да за здоровье Семена
Ты даешь пятак?
Как же это так?
Вражья дочь,
Как же это так?

Дело кончалось тем, что «разобиделась Матрена, спрятала пятак...»

На эти концерты приходили не только ребята, но и взрослые. Бывали зрители даже из соседних деревень. Особым успехом пользовался мундир японского генерала из композиции «Советская республика в кольце врагов».

Для этих ребят мир взрослых не был чем-то данным раз и навсегда, изменению не подлежащим. В него можно, а иногда и нужно было вмешиваться.

Однажды рабочие Мотовилихинского завода, выйдя после смены из проходной, стали неожиданно для себя участниками похоронного шествия:

Да, именно так!

Впереди пионеры медленно несли на плечах настоящий гроб, обитый черной материей. Оркестр детского клуба имени Я. М. Свердлова играл траурный марш, звучавший правда несколько странновато, поскольку трубам аккомпанировали десятки расчесок, обернутых папиросной бумагой.

А в гробу покоилась огромная бутылка, сделанная из картона и папье-маше.

Так началась знаменитая операция «Похороны водки».

Все рассчитано было точно: рабочие выходили из проходной и шли за гробом, ибо дорога была одна. Похоронная процессия росла, в нее вливались все новые участники. Останавливались прохожие и проезжие.

Вот над ребячьей толпой у гроба взметнулся плакат: «Мы требуем, чтобы лишний рубль не пропивался, а шел на пользу нам!»

Еще один: «Отец, не пей, а я буду хорошо учиться!»

Ребята скандируют:

— О-тец, не пей! О-тец, не пей!

На улице 1905 года затащили гроб на балкон детской библиотеки. Сотни людей собрались внизу. В большинстве настроены хорошо. Смеются, кричат:

— Правильно!

— Молодцы!

Некоторые удивляются: ну и отмочили штуку!

Но есть и недовольные:

— Ишь! Яйца курицу учат...

А с балкона уже раздаётся надгробное слово, ребята сдергивают с голов картузы. Прощай, водка!

Вычеркнем водку из бюджета!

Да здравствуют книга, журнал, газета!

Под эти слова гроб с бутылкой переваливают через перила, с высоты второго этажа он летит вниз и раскалывается о булыжную мостовую.

В 1927 году, когда власти Германии запретили въезд в страну советской детской делегации, в школе состоялся митинг протеста, созданный коминтерновцами. Принятую резолюцию послали в Берлин.

В июне 1930 года, во время коллективизации, участвовали в месячнике по сбору мешков для хлебозаготовок.

Собирали деньги в фонд борьбы с беспризорностью. На выступлениях агитбригады, на выпусках школьной «световой газеты» декламировали:

Брошу я привычку эту —
Есть конфеты, виноград...

Уж какой там виноград! С вечера занимали очередь за буханкой твердого закалистого хлеба. Многие летом подрабатывали — помогали родителям.

Но на первомайских демонстрациях пели:

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с на-ами,
Хоть нет вас в колоннах...

Жили судьбами страны, судьбами угнетенных и обездоленных всего мира. Босоногие мальчишки бегали по улицам с болтавшей на шее кружкой-копилкой (сверху она запаяна и пропилена узкая щелочка — такая, что только копейка и пролезет), собирали «интернациональную копейку» для зарубежных рабочих-коммунистов.

Пройдут годы, и верность идеалам интернационализма эти ребята докажут собственной кровью.

А пока стучит барабан, поет горн, заменивший морской свисток, и звенят в школьных коридорах колокольчики — не скоро еще появятся электрические звонки.

ВЕРХОЛАЗ

В числе первых пионеров Мотовилихи был Толя Крохалев — будущий прославленный балтийский летчик, Герой Советского Союза.

Отец его одно время служил в пожарниках, а какой же пожарник, считали ребята, обойдется без веревки. Видимо исходя из этого, Толе поручили добыть прочную и длинную веревку, которую в отрядных походах он всегда обязан был носить при себе — на всякий пожарный случай, если придется, например, перебираться через овраг или ручей или залезать на дерево, чтобы сверху осмотреть окрестности. Верхолазом Толя был отличным. Голова никогда не кружилась. Закинув веревку на сук, выделывал

на высоте такие головокружные трюки, что девочки от страха взвизгивали и закрывали глаза.

Отец умер, когда Толе исполнилось восемь лет. Через год умерла и мать. Младшие братья и сестры воспитывались в детском доме, старшим помогли родные и соседи. Зимой Толя учился в школе, а на все лето нанимался в пастухи — пас коров и коз за висимской окраиной.

Но уже после седьмого класса пришлось пойти на постоянную работу — вначале в типографию, переплетчиком, затем поступил на завод, слесарем. Здесь его закадычным другом стал Саша Калганов, сын легендарного героя гражданской войны Александра Петровича Калганова, замученного в белогвардейской тюрьме.

Вместе с Сашей решили ехать в Севастополь, в училище морской авиации. В этом решении как бы слились воедино две давнишние мечты: море и небо.

Было тогда друзьям по шестнадцать лет.

До Севастополя добирались как придется — зайцами, на товарняках (денег на билеты не хватило), а когда прибыли наконец на волшебный берег Черного моря и, первым делом окунувшись в его зеленоватую волну, направились в училище, оказалось, что рановато им еще в летчики, возрастом друзья не вышли.

В курсанты не приняли, но на работу взяли. Саша Калганов стал слесарем в авиаремонтных мастерских, Толя — заправщиком. Он заливал в баки бензин, самолеты уходили в небо, а Толя оставался на земле.

Однажды набрался храбрости и попросил знакомого инструктора полетов:

— Прокатите, пожалуйста... А?

Тот с хитрой усмешкой оглядел черноглазого крепыша-заправщика:

— Летать хочешь?

— Хочу.

— Ну что ж! Полезай...

Сделав круг над летным полем, пилот внезапно положил машину в крен на одно крыло, потом на другое, потом закрутил бочку, из виража нырнул в мертвую петлю, начал пикировать, вошел в штопор, у самой земли снова взмыл вверх и через плечо покосился на пассажира: каково, мол? Толя молча показал большой палец: во!

На аэродроме инструктор ехидно поинтересовался:

— Еще хочешь?

— А возьмете? — был ответ.

С тех пор летчики стали брать его с собой в качестве балласта — мешка с песком на заднем сиденье биплана. Выполняли полный набор фигур высшего пилотажа, наивно полагая, что тем самым навсегда отобьют у этого настырного паренька охоту летать. Но результат был прямо противоположный — Толю все сильнее тянуло в небо. Всякий раз, выпрыгивая из кабины на землю, он улыбался до ушей, вежливо благодарил и просил удивленных летчиков прокатить его еще разок.

Об отменной выносливости и необычайном упорстве юного заправщика доложили начальнику училища, и вскоре тот сам предложил Толе подать заявление о приеме. В восемнадцать лет Толя надел курсантскую фор-

му, а через три года, с отличием окончив училище, получил назначение на Балтику, в морскую авиацию.

К началу войны с белофиннами Анатолий Крохалев уже командовал эскадрильей морских бомбардировщиков.

За все время военных действий самолеты его эскадрильи не совершили ни одной вынужденной посадки, хотя летать приходилось в тяжелейших метеоусловиях — мороз, туман, перепад температур, когда над морем обледеневают плоскости самолета и машина с трудом поддается управлению. Но не было случая, чтобы эскадрилья ушла на боевое задание без своего командира.

Однажды воздушная разведка донесла, что в районе Аландских островов обнаружены военные транспорты противника с оружием и боеприпасами. Нужно было уничтожить вражеские корабли...

Две точки на водной глади. Они растут, удлиняются, уже видны мачты, палубные надстройки, зенитные пулеметы на носу переднего транспорта — эскадрилья пикирует на цель.

Внезапной болью обожгло плечо.

Но нет, пули прошли мимо. Просто в азарте боя Анатолий не сразу почувствовал, что на нем загорелся меховой комбинезон. В кабине все слышнее становился запах гари.

Страшен пожар в воздухе, когда встречный ветер раздувает даже малую искру — вот-вот пламя потечет к бензобакам. И тогда... Но Анатолий не свернул с курса. Превозможная боль, он провел бомбометание, точно выдержал время, необходимое для аэрофото съемки, и лишь после этого, продолжая упра-

влять самолетом, начал по кускам срывать с себя горящую одежду и выбрасывать за борт.

На аэродроме, посадив машину, он вышел из кабины, бросил руку к летному шлему и отрапортовал командиру полка о выполнении боевого задания. А потом пошатнулся и без сознания упал на снег.

Несколько недель Анатолий провел в госпитале. Не вышел и снова сел за штурвал самолета — уже Героем Советского Союза.

На Балтике о нем сложили песню:

Кто у нас не знает Крохалёва?
В свисте ветра, под моторный рев
Бьет врага умело и сурово
Летчик Анатолий Крохалев.

Над морским простором пролетая,
Видит он победу впереди,
И звезда сияет золотая
У него недаром на груди.

Пусть над морем низко виснут тучи,
Задевают крылья пенный вал,
Боевой отряд его летучий
Цели никогда не миновал...

НАШ ДИРЕКТОР

В июне 1940 года секретарь комитета комсомола школы Сережа Работкин сидел в кабинете директора Николая Петровича Мингалёва.

На директорском столе громоздились детали разобранного на части киноаппарата. Рядом дымился паяльник, лежали инструменты. Приобрести новый киноаппарат — это расход, непосильный для скромных школьных финансов. Поэтому закупили по дешевке старый, за ветхостью списанный из какого-то клуба, а Николай Петрович, мастер на все руки, сам взялся его наладить.

Но сейчас речь шла не об этом.
— Значит, Сергей, ситуация та-

кова, — не выпуская из пальцев отвертки, начал Николай Петрович со своей любимой фразы, которая служила неизменным прологом ко всем разговорам в директорском кабинете.

Она, эта фраза, как бы подчеркивала следующее: я вам излагаю суть проблемы, а уж думать и решать будем все вместе.

— Дела такие, — продолжал Николай Петрович. — В этом году на ремонт школы нам выделили двадцать шесть тысяч рублей. Как, по-твоему, хватит?

— В прошлом году хватило.

— А про паровое отопление забыл?

Действительно, зимой не раз приходилось сживать на уроках в пальто. Даже чернила замерзали в чернильницах — ткнешь перышком, а там лед...

— Вот тебе, Сергей, листочек, бери карандаш, станем считать.

Посчитали, прикинули, и оказалось, что на котельную и трубы понадобится, по меньшей мере, двадцать три тысячи. Остается три. А на них школу не отремонтируешь.

— Итак, комсорг, твое решение? — спросил Николай Петрович.

— Я думаю, главное, чтоб тепло было, — сказал Сережа.

— И я так же думаю. А школу отремонтируем сами... Согласен?

Сережа кивнул.

— А коли согласен, созывай комитет и ставьте вопрос на голосование.

Комитет комсомола решал все важнейшие вопросы школьной жизни. За год на его заседаниях заслушивали до полутора сотен ребят — практически каждого второго ученика.

Обсуждалось все: работа стрелковой секции и проведенный на заводе субботник, выездное выступление агитбригады и драка во дворе, пропущенный урок и двойка по предмету. Не успевающие и нарушители дисциплины, стоя перед своими же одноклассниками, дрожали, робели, краснели, пускали слезу и боялись таких разговоров куда больше, чем отцовского ремня. О том, чтобы вызывать в школу родителей, и речи не заходило. Что это еще за мера! Зачем? Сами справимся.

По вопросу о ремонте школы собственными силами других мнений не было, и вскоре Николай Петрович получил список рабочей бригады с Сережей Работкиным во главе.

Впереди два летних месяца.

Николай Петрович, офицер-артиллерист запаса, ежегодно призывался на военные сборы, длившиеся по нескольку недель, и оставлять школу еще и на лето считал невозможным. Самос понятие «отпуск» для него попросту не существовало. Какой отпуск, когда дел невпроворот?

Да и ребят летом продолжало тянуть в школу. Так уж получилось, что она стала центром всех интересов, сердцевинной жизни, при которой нет и не может быть резкой границы между учебным годом и летними каникулами.

Каждый год ученические бригады работали на ремонте школы, но под руководством опытных маляров, каменщиков, штукатуров. А теперь все предстояло сделать самим.

И сделали.

В августе, перед началом занятий, Сережа еще раз прошелся по пахнущим свежей крас-

кой коридорам. Здесь его встретил Николай Петрович:

— Сергей, у тебя белая рубашка есть?

В те годы это был не праздный вопрос.

— Есть...

— Пожалуйста, выбери из бригады еще двух-трех человек и завтра без четверти пять ждите меня возле клуба Свердлова. Все в белых рубашках. Если у кого нет, пускай одолжат.

— А зачем?

— Там узнаете...

Спрашивать не имело смысла, Николай Петрович умел устраивать сюрпризы — неприятные и приятные.

Года три назад, когда собрались на первомайскую демонстрацию, он торжественно объявил:

— После демонстрации прошу не расходиться, всем прибыть в школу для участия в ответственном мероприятии!

И всю дорогу с загадочным видом помалкивал, хотя к нему то и дело приставали, умоляли объяснить, какое такое мероприятие.

Вернулись, вошли в школьный двор и увидели накрытые столы. В мисках дымилась горячая картошка, лежали аппетитные ломтики жареной свинины — лакомство по тем временам фантастическое.

...На следующий день явились к клубу чуть не за час до назначенного срока. Ровно без четверти пять подошел Николай Петрович, провел ребят в зал и усадил в первом ряду. Вокруг сидели взрослые солидные люди. В президиуме ударили стеклянной пробкой по

графину с водой, началось совещание по итогам подготовки школ к новому учебному году.

Оживились ребята, когда с трибуны прозвучала фамилия директора. Прислушались и ужаснулись: Мингалева ругали, обвиняя в том, что школа плохо подготовлена к началу занятий. Причем, как понял Сережа, дело касалось не каких-то капитальных недоработок, а общего глянца.

— Позор! — взывал очередной оратор. — Комиссия приняла школу с оценкой не «отлично», а всего лишь «хорошо». За это мы должны спросить с директора... Как же так, дорогой товарищ Мингалева? Или вам не дорога честь района?

Затем слово дали Николаю Петровичу.

Невысокий, ладный, со светлыми, зачесанными назад волосами, он легко взбежал на сцену. Прищурившись, оглядел зал:

— Товарищи, разве четверка — плохая оценка?

И кивнул Сереже:

— Встаньте, ребята...

Они встали, смущаясь под взглядами взрослых.

— Эту четверку комиссия поставила не только мне. Им тоже. И они ее честно заслужили, потому что весь ремонт сделали собственными руками. — Голос Николая Петровича звучал спокойно, лишь пальцы правой руки нервно потирали висок — привычка эта появилась у него недавно, после контузии, полученной в боях на Халхин-Голе. — А ну, ребята, выше головы! Стыдиться вам нечего. Хорошо поработали...

Во втором ряду кто-то громко прошептал:

— Мингалев-то за детей прячется...

Сережа услышал, обернулся:

— Эх вы! Ведь мы же вместе работали...
Понимаете? Вместе!

Никогда еще директор не казался таким близким и родным, как сейчас. Он не прятался за их спины, как вообще никогда и ни за кого не прятался. Он привел их сюда, чтобы показать доверие, чтобы подчеркнуть: вы, ребята, и я, директор, делаем одно дело. Он хотел дать им сознание причастности, ответственности за это общее дело, но тогда, конечно, ребятам и в голову не приходило разбираться в подобных тонкостях. Понимание придет позднее, уже во взрослой жизни. А в тот момент было чувство. Они просто любили своего директора. Но если бы кому-то вздумалось спросить их о причинах этой любви, то они, наверное, лишь плечами бы пожали: это же наш Николай Петрович! И все сказано...

— Безобразие! — возмутились в президиуме. — Стыдно, товарищ Мингалев, заниматься эксплуатацией детского труда. В наше-то время!

— А что, — взвился Николай Петрович, — в наше время бездельниками нужно расти? Вы, может быть, не знаете, что их сверстники, кто победнее, уже у станков стоят, хлеб зарабатывают? Не знаете? А семьям этих ребят лишний рубль тоже не помешает. Я им, между прочим, деньги заплатил за работу.

Это сообщение вызвало общий шок:

— Деньги? Как деньги?

Но Николай Петрович обращался уже только к Сереже и его товарищам:

— Вы за это лето многому научились.

Узнали цену трудовой копейке. Крепко будете в жизни на ногах стоять. — Он подмигнул им. — Молодцы! Ведь такая авторитетная комиссия вам четверку поставила!

Потомственный мотовилихинец, Николай Петрович Мингалев окончил физико-математический факультет Пермского университета, учительствовал, а в 1936 году стал директором школы. Было ему в то время тридцать три года, но во многом он оставался юношей, даже мальчиком, — бегал по этажам, играл с ребятами в футбол, катался с ними на коньках, и старые заслуженные учителя поначалу выговаривали ему за несолидность, за слишком вольный, как им казалось, тон в обращении со старшеклассниками.

Говорят, что чем талантливее человек, тем дольше живет в нем ребенок.

Мы иногда путаем мальчишество и инфантильность, а это разные вещи. Николай Петрович никогда не чувствовал себя беспомощным в сложных жизненных ситуациях. Решительный и горячий, ершистый, не идущий на компромиссы ни с ребятами, ни с начальством, он умел найти выход из любого положения, умел настоять на своем.

Инфантильный человек избегает ответственности, а Николай Петрович привык брать ее на себя. Он и женился не раньше, чем трое младших братьев, которым помогал деньгами из своей не слишком-то большой зарплаты, окончили школу и получили аттестат зрелости.

Николай Петрович был директором строгим, его побаивались. Но во все, что бы ни

делал, он вносил элемент игры, был не начальником, а капитаном, и ту неповторимую атмосферу веселого деятельного равенства, царившую в школе, мог создать именно такой человек, мальчик в душе.

Уже будучи директором образцовой школы (при нем, кстати, впервые в Мотовилихе была введена кабинетная система), обремененный множеством забот, Николай Петрович продолжал посещать кружок при драмтеатре, играл на сцене вместе с бывшими и нынешними учениками. Кроме того, шил для актеров костюмы. И отлично шил, поскольку умел делать все. По вечерам из директорского кабинета раздавалось стрекотание швейной машинки.

Николай Петрович как бы и не заботился о своем авторитете, не поддерживал его искусственными приемами, показной суровостью и, может быть, именно потому вызывал уважение куда большее, чем иные педагоги, которые держатся с детьми важно и отчужденно.

Физик, математик, электрик, отличный хозяйственник и администратор, спортсмен, актер, артиллерийский офицер — и все это он, Николай Петрович Мингалев, благодарную память о котором до сих пор сохраняют ребята предвоенных выпусков.

Он сражался на Халхин-Голе, был ранен, контужен, после госпиталя вернулся в школу, чтобы через полтора года, в июне сорок первого, уйти снова.

Острее других он чувствовал время.

Починил старый киноаппарат, мальчишки и девчонки прямо в школе смотрели фильмы.

Фильм «Мы из Кронштадта» пользовался в то время у ребят особенным успехом.

Если придет военная гроза, они с такой же гордостью смогут сказать о себе: «Мы из Мотовилихи».

А Николай Петрович знал, что гроза придет.

И еще он знал: чтобы так сказать, эти ребята должны унести с собой воспоминания о доме, о школе, о новогодней елке — обо всем том родном, любимом, единственном, без чего высокие слова не трогают сердце.

ВТОРОЙ ДОМ

Есть старая истина: для того чтобы стать хорошим учителем, требуется немного — любить то, чему учишь, и тех, кого учишь.

Все мы помним своих учителей.

Мы вспоминаем наши успехи и неудачи по предмету, пятерки и двойки (четверки и тройки — реже), сделанное на уроке замечание, какие-то смешные случаи, какие-то мимолетные разговоры, которые тогда представлялись необычайно важными и существенными.

Но мы прежде всего помним отношение учителей к нам самим, ибо их глазами пристально, серьезно, оценивающе впервые взглянул на нас большой мир, в котором предстоит жить.

Разумеется, те, кто учился в школе № 47, помнят своих учителей точно так же, как выпускники любой другой школы помнят своих.

Кто-то теплее говорит об одних, кто-то — о других, но зато все без исключения с восторгом вспоминают особую школьную атмосферу 30-х годов, то неуловимое, трудно поддающееся слову возбужденно-радостное состояние, которое они испытывали всякий раз, переступая порог школы.

А такая атмосфера не возникает сама собой.

И усилиями одного человека, пусть даже человек этот — директор, ее не создашь.

Она создается ежедневным, часто незаметным трудом всех учителей, самим их постоянным присутствием рядом с ребятами, когда и для тех, и для других школа становится вторым домом.

Владимир Николаевич Фокин (история) и Петр Александрович Ветошев (военное дело), Сергей Дмитриевич Чернышев (физика и астрономия) и Лидия Константиновна Фалер (немецкий язык), Юрий Давидович Михайленко (рисование и черчение) и Евдокия Павловна Сумбайкина (химия), словесники Александра Ивановна Лунина и Нина Ивановна Перебатова — все они и многие другие были не только предметниками, но руководителями кружков и секций, организаторами, а часто и участниками соревнований, художественной самодеятельности, субботников, агитпробегов, литературно-музыкальных вечеров, спектаклей.

Это они «виноваты» в том, что ребята целыми днями пропадали в школе.

— И где ты, Людмила, вечно бегаешь? — сердится мама Люды Ганичевой.

А неугомонная Люда, хрустя только что выдернутой в огороде морковкой, уже опять умчалась в школу. Там выпускается очередной номер стенгазеты, а она отвечает за уголок успеваемости, решает, кого следует посадить на самолет, кого — на поезд, а кого — на черепаху. Эти транспортные средства нарисованы в ее уголке, и в распределении мест все должно быть по справедливости — проверяющих найдется великое множество.

А в столярной мастерской в это время летит из-под рубанков стружка, стучат молотки, шелестит парусина: мальчики, возглавляемые Юрием Давидовичем Михайленко, строят настоящие буера. Наступит зима, и помчатся по льду Мотовилихинского пруда эти странные легкие сооружения — сани под парусом, провожаемые толпами болельщиков...

— Ты куда, дочка? — стоя у калитки, кричит мама Риты Поповой.

— В школу.

— Как? Опять в школу?

Рита спешит на репетицию школьной оперной студии: под руководством преподавателя истории Анемподиста Анемподистовича Денисова ребята ставят оперу Цезаря Кюи «Красная Шапочка».

Звучит старенькое пианино, вокруг толпятся малыши. На головенках у них бумажные ромашки, розовые бутоны из крашеной марли. Это цветы. Хор цветов. А в стороне стоят «муравьи» с проволочными усиками и «грибы» в своих уморительно-солидных картонных шляпах. Ждут очереди.

Рита поет партию Дровосека. На генеральной репетиции она щеголяет в широченных штанах, перепоясанных красным кушаком, за который заткнут самодельный топорик с оклеенным фольгой лезвием.

Волк — Коля Стародумов.

В глубине души каждый считает себя главным действующим лицом. После, конечно, Красной Шапочки: ее роль исполняет Нина Кузнецова, худенькая темноволосая девочка. Ее удивительно чистый и нежный голосок вне конкуренции. Настоящая примадонна!

Первое представление в школе, затем — в районном Доме учителя, в детском клубе, призы, грамоты, триумфальная поездка в Свердловск, на Всеуральский смотр школьной самодеятельности...

Гремит старенькое пианино.

Но это уже не репетиция «Красной Шапочки», а выступление гимнастов и акробатов — питомцев Елены Николаевны Щенниковой, преподавателя физкультуры.

В конце программы все выстраиваются в пирамиду, встав на плечи друг другу, и верхние начинают жонглировать булавами. Внезапно гаснет свет, в темноте, вращаясь, булавы описывают огненные круги. Все ахают. А секрет прост: к кончикам их приклеиваются, а после незаметно поджигаются комочки проспиртованной ваты.

Девочки перебрасываются кольцами, сделанными из распиленного на узкие полоски деревянного решета.

Голь на выдумки хитра: их изящные гимнастические костюмы сшиты из обыкновен-

ных маек, так называемых маек-соколов — снизу их подрезали, а из обрезков получились рукава. Белоснежные шапочки с красными звездами смастерили из бумаги и крахмаленного бинта, и казалось, что все выходит само собой, вдруг, по счастливому наитию и вдохновению, хотя за всем этим незаметно стояла Елена Николаевна. ...За двадцать лет перед тем, в рабочем клубе, она распевала куплеты, которые в скором будущем обещали разные чудеса науки. Например, такое чудо:

Сунешь ты в урну окурку,
А вынешь каракуля шкурку...

А пока на волшебную урну надеяться не следует, все надо делать самим...

Поет пианино!

Другое время, другие лица отражаются в его лаковой крышке, но по-прежнему мелькают клавиши.

Девочки поют «Баркаролу» — празднуется юбилей Франца Шуберта.

А через три года, зимой сорокового, под звуки арии Индийского гостя из оперы «Садко» на сцене появляется неукротимый Нана Сагиб, борец за свободу, он же — капитан Немо: в школе, организованный Александрой Ивановной Луниной, проходит литературный вечер, посвященный 35-летию со дня смерти Жюль Верна. Совсем недавно, оказывается, он еще был жив. Странно!

На всю школу раздаются звуки пианино...

Это уже костюмированный бал, новогодний маскарад.

Как всегда, первой парой идут «история» и «физкультура»: Владимир Николаевич Фо-

кин и Елена Николаевна Щенникова — стройная, элегантная, с вплетенными в прическу стеклянными бусами, в длинном, собственноручно, конечно же, сшитом платье, напоминающем наряды итальянок эпохи Возрождения. Девочки с немым восхищением взирают на Елену Николаевну. Как она красиво танцует!

Некоторое время вальсирует только одна эта пара. Но вот ребята посмелее начинают «отклеиваться» от стен, приглашают одноклассниц.

Вальс, вальс!

Нет ни магнитофонов, ни эстрадных оркестров — лишь пианино, верный старый друг.

Танцы под пианино.

Сереза Работкин танцует с Людой Ганичевой, Юра Беляев — с Ниной Кузнецовой. Эти пары останутся вместе до конца жизни. Школьные пары, первая любовь, горечь скорой разлуки, о которой еще не знает девочка — «елка» с нашитыми на платице пихтовыми веточками...

Почти все ребята и учителя пришли на бал в маскарадных костюмах, хотя обычных обновок стеснялись — стыдно считалось в те годы богато одеваться. Однажды той же Люде Ганичевой родители на день рождения подарили шелковые чулки, так она, уже десятиклассница, ни за что не хотела их надевать. А когда, по требованию мамы, пришлось в конце концов надеть, то в школе все перемены не вставала из-за парты — не дай бог, ребята заметят.

Но костюмы — это хорошо! Это славно!

Мешковина, марля, картон, фольга, нитка с иголкой, ножницы, немного воображения — и все времена и народы в полной твоей власти.

Причем занятию этому с увлечением отдавались не только младшие ребята, но и старшеклассники, и даже учителя — им тоже интересно предстать чуть иными, новыми, незнакомыми.

Танцуют цыгане — Алеко и три Земфиры, многочисленные «ночки» и «снежинки», русалка кружится в паре с пограничником, удалой гусар — с китайяной, и лихо отплясывает «урожай года» — золотой сноп, перевитый красной лентой, на которой выведена цифра сжатых колхозниками пудов пшеницы.

Костюмированные балы в школе № 47 славились по всей Мотовилихе. Охотно приглашали на них гостей и из соседних школ.

Давно минули те времена, когда на замерзшем пруду «стенка» на «стенку» сходились ребята разных мотовилихинских концов: Костарево — на Висим, вышкинские — на запрудских. Теперь в начале каждой зимы вместе оборудовали каток в саду имени Я. М. Свердлова, вместе ходили в аэроклуб, в драмкружок, в спортивные секции, участвовали в лыжном агитпробеге в честь первых выборов в Верховный Совет СССР.

И сегодня ночью все вместе будут кататься с ледяной горки.

Гремит старенькое пианино, качаются на новогодней елке ребячьи портреты. Вот они, десятиклассники, организаторы праздника, выпускники тридцать девятого года... Вася Могильников — он со своей батареей встретит врага на границе, в Белоруссии, и останется

там навеки; Юра Иванов — в сорок третьем, под Сталинградом, врежется в землю его горящий истребитель; Коля Стародумов, Волк из «Красной Шапочки», — последнее письмо от него придет в Мотовилиху осенью сорок второго; Вася Пищулев, Юра Беляев, Миша Мингалев — они израненными вернутся домой.

Где-то тут и братья Домнины — восьмиклассник Виктор и пятиклассник Алеша.

Через много лет, на вечере, посвященном памяти погибших выпускников школы, прозаик и поэт Алексей Михайлович Домнин прочтет стихи о брате:

Нельзя забыть, но и представить страшно
Все на пути сметающий порыв,
Когда, пьянея в схватках рукопашных,
Матросы шли на штурм и на прорыв.
Терзали берег огненные всплески,
Вставала дыбом черная вода.
Мой старший брат

на той Дубровке Невской,

Мой Витька
Там остался навсегда...

Алексей Михайлович мечтал написать книгу о родной школе, но не успел, ушел из жизни.

— Удивительная школа, — говорил он. — Я понимаю, конечно, что для каждого своя — лучше всех. Но наша... Нет, она и вправду особенная. — И характерным жестом поднимал худые плечи, как делал всегда, когда речь шла о чем-то очевидном, если и требующем каких-то слов, то тоже совершенно особенных, не все произнесенных.

Такие слова сказал он сам. Написал, вспоминая, может быть, ту новогоднюю елку тридцать девятого:

...Но грянет звездный час для поколенья,
Для них, которым море по колена,
Настанет срок свою судьбу писать.
Так пусть растут, упрямы и красивы,
Ты приласкай сынов своих, Россия,
Им завтра в путь,
Им завтра — мир спасать.

НАКАНУНЕ

Зимние каникулы. Утро. Морозец. Еще не протопились печи, и над висимскими крышами поднимаются в голубое небо серые дымы.

Девятый класс в полном составе выстроился перед школой: мальчики на правом фланге, девочки — на левом. Все с лыжами. Крепления самодельные — веревочные или, в лучшем случае, ременные, на валенки. Деревянные палки. За спинами вещмешки.

Поход. Хождение по азимуту.

Преподаватель физкультуры Елена Николаевна Щенникова дает направление, вручает командиру компас. Тот командует:

— Нале-во! В колонну по одному, вперед марш!

Выбрасывая палками фонтанчики снега, лыжники исчезают вдали, а лыжницы во главе с Еленой Николаевной направляются на железнодорожную станцию. Часть маршрута они проедут на поезде, а затем все встретятся в условленном месте. В каком? Этого никто не знает, кроме самой Елены Николаевны и ее доверенных помощниц. Если мальчики верно выдержат направление, то и выйдут туда, куда надо. Не в первый раз! Хотя сегодня им идти далеко, километров тридцать.

Гудит паровоз, проносятся мимо заснеженные деревья. Девочки поют, Елена Николаевна смотрит в окно...

Еще гимназисткой в своей родной Вятке она увлеклась гимнастикой, а когда в 1920 году, семнадцатилетней девушкой, приехала в Пермь, стала работать инструктором при рабочем спортивном клубе. Не только учила работниц гимнастике и акробатике, но и сама участвовала в соревнованиях. Несколько лет выступала за сборную команду Мотовилихи по легкой атлетике. Прыгала в длину, метала диск, бегала на все дистанции, исключая марафонскую, толкала ядро.

В 1932 году райком комсомола направил ее преподавать физкультуру в школу № 47, где директором тогда был Александр Степанович Носков.

Школьное здание спортивного зала не имело — для трехклассного земского училища, которое здесь размещалось до революции, это была чересчур большая роскошь. Вместо зала Елене Николаевне отвели обычную классную комнату. Раньше физкультура в школе не преподавалась, пришлось самой собирать

весь инвентарь. Помог спортклуб, а кое-что смастерили ребята.

Вскоре в физкультурной комнате (так стали называть этот класс) появились параллельные брусья, козел, конь, особый снаряд равновесия (доска на стойках, которую можно укреплять на разной высоте и под разным углом к полу), шведская стенка, шведская скамейка (в перевернутом положении она использовалась для ходьбы и бега по тонкой соединительной планке), канат, турник. Еще несколько турников поставили в школьном дворе. Даже зимой во время перемен мальчишки висели на них гроздьями. «Выход силой», «подъем персворотом», «склепка». Иные асы умели крутить «солнышко», среди них — сама Елена Николаевна.

Она занималась со своими питомцами практически всеми видами спорта. Не стеснялась даже в хоккей играть с ребятами. Уже замужней женщиной, матерью семейства, бегала по льду с клюшкой.

И не случайно в 1938 году команда школы № 47 стала чемпионом первой городской детской спартакиады.

Но зимой, конечно, больше всего ходили на лыжах. Уж они-то имелись в каждой мотовилихинской семье. Все ребята знали, как правильно замотать портянки, и как сделать обмотки на башмаки, если нет валенок, и что предпринять, когда в походе замерзли руки или ноги, а остановиться нельзя.

Многим из них пригодится впоследствии эта нехитрая наука.

...Сойдя с поезда, встали на лыжи и — по азимуту! — вперед. Часа через полтора вышли

к деревне — конечному пункту обоих маршрутов. Накануне Елена Николаевна приезжала сюда, договорилась с директором сельской школы, что ребятам разрешат там переночевать.

Затопили печь, поставили самовар. Дежурные остались варить обед, а остальные двинулись к околице — встречать мальчишек. Развернули заранее приготовленный плакат: «Кто летел, как из пращи, получи в награду щипки!»

Наконец появляются участники пробега. Их приветствуют хлебом-солью, кричат «ура!». После торжественной встречи — обед, а затем опять на улицу: играть в снежки, детямна кататься на связанных попарно лыжах — пять-шесть человек разом. Визг, хохот...

Ночевали в школе.

Вечером, напившись чаю, гасили свет, и Елена Николаевна говорила:

— Ну, давайте ко мне поближе. Девочки — одесную, мальчики — ошую.

И допоздна рассказывали «страшные» истории — про привидения, про красное пятно и черную руку.

А утром снова на лыжи и — в обратный путь.

16 января 1941 года пермская комсомольская газета «Большевистская смена» писала:

«В зимние каникулы по школам области проведена военно-тактическая игра «На штурм». Решением областного комитета 3-х Всесоюзных соревнований пионеров и школь-

ников юнармейские формирования сохраняются до конца учебного года. Юнармейцы должны отработать все виды боя. В игре «На штурм» основными видами были оборона и наступление. Сейчас надо ознакомиться с разведкой. Новая военно-тактическая игра «Разведчики» проводится 23 февраля — в день Красной Армии...»

Идут Третьи Всесоюзные соревнования пионеров и школьников.

Четвертые будут уже не скоро.

Со школьного двора звучит сигнал учебной химической тревоги. Скрипит резина противогазных масок. Идет колонна. Запотевают стекла у тех, кто предварительно не натер их изнутри кусочком мыла. Кровь гулко тукает в ушах.

А вечером в рекреации второго этажа тесно составлены стулья. Школьные киномеханики крутят фильм «Мы из Кронштадта». В который раз? В десятый? В двадцатый?

Белый луч, призрачно высвечивая стриженные ребячьи головы, тянется к простыне, по которой красные балтийские матросы идут в свой последний и решительный бой. Стрекочет пулемет...

И здесь же, в этой самой рекреации, часто гремят другие выстрелы. Настоящие.

Тира при школе не было, и для стрелковых занятий решили использовать рекреацию. Были, правда, сомнения: как взглянет на это директор? Но Николай Петрович тут же схватил рулетку и пошел измерять дистанцию для стрельбы. Дистанция — в самый раз.

В классе, где сейчас размещается школьный музей, окно и часть стены загоразивали железным щитом, к нему придвигали деревянный, под руководством военрука Петра Александровича Ветошева сколоченный из досок, а затем вешали мишени. Стреляли с лестничной площадки, через открытую дверь класса. Лежа, с колена, в противогазе. На дверных косяках оставались щербинки от пуль.

В школе имелось несколько малокалиберных винтовок и старое ружье системы «Монте-Кристо».

Стреляли не только ученики, но и учителя. Иногда приходил Николай Петрович — ему в знак особого уважения вешали новую мишень, и, если результат его оказывался хуже, чем у ребят, он отшучивался:

— Я же, как-никак, артиллерист...

В то время по правилам соревнований в состав команды школьников разрешалось войти одному учителю, и от этого тоже возникало чувство локтя, чувство единого школьного коллектива.

В предвоенные годы на всех районных и городских соревнованиях по стрельбе команда школы регулярно занимала только призовые места.

Теплый приклад «мелкашки», чмокающий звук, с которым пуля влипает в мишень, и звяканье пустой гильзы по каменному полу, и холодок в душе, когда Петр Александрович с карандашом в руке отмечает пробоины, подсчитывает сумму выбитых очков.

Вспомнит ли все это старший лейтенант Василий Польшгалов в Великую Отечественную, командир 3-й стрелковой роты 419-го стрелкового полка 18-й Мгинской Краснознаменной стрелковой дивизии?

С детства он мечтал о небе, окончил аэроклуб, пытался поступить в Качинское летное училище, но не повезло — медики не пропустили.

Тогда Василий решил стать артиллерийским командиром. Уехал учиться в Ленинград, стал курсантом военного училища, а доучиться не пришлось. Уже через неделю после начала войны, когда под Лугой прорвались фашистские танки, курсантов-артиллеристов ночью подняли по тревоге и с марша бросили в бой. Многие из его товарищей остались лежать на том рубеже, но танки не прошли.

Потом, уже с кубарями в петлицах, Василий воевал в составе 36-й отдельной курсантской бригады, позднее попал в пехоту.

В июне 1944 года рота старшего лейтенанта Польшгалова под яростным пулеметно-ружейным огнем белофиннов на подручных средствах переправилась через реку Свирь, зацепилась за правый берег, обеспечив переправу всего полка.

В руках уже не ружье «Монте-Кристо», не «мелкашка», а грозный автомат ППШ.

Свирь форсирована, и 419-му полку поставлена новая боевая задача: выйти к шоссе, соединяющему Олонец с Петрозаводском, перерезать и накрепко оседлать эту жизненно важную для противника транспортную магистраль.

Высланная в разведку рота Польшгалова днем 26 июня вышла на шоссе, по которому как раз в это время двигалась колонна вражеской артиллерийской батареи. Раздумывать было некогда, командир первым открыл огонь. После короткого боя артиллеристы были уничтожены, орудия достались нашим бойцам. Польшгалов приказал откатить их с дороги и укрыть за деревьями. Он понимал, что противник не оставит роту в покое, попытается восстановить положение. Нужно занимать оборону. К счастью, рядом оказалась вырубка. Здесь маннергеймовские солдаты валили лес, штабелями лежат бревна и приготовленные для вывозки дрова. Настоящие баррикады. А уже с двух сторон свистят пули — рота попала в клещи.

Укрывшись за штабелями дров, поставив на флангах пулеметы и захваченные пушки, одну за другой отбили восемь атак. Шоссе и обочины покрылись телами вражеских солдат.

Наконец, измотав и обескровив атакующих, Польшгалов поднял бойцов в контратаку. В рукопашной схватке он из автомата в упор сразил офицера, завладел его сумкой, в которой позднее обнаружили ценнейшие документы.

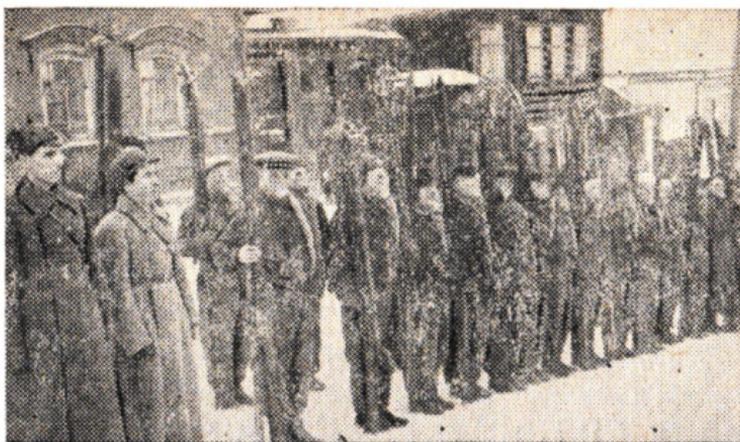
Рота продержалась на шоссе до подхода основных сил полка.

За умелое командование ротой и за личную храбрость, проявленную в этом бою, бывший ученик школы № 47, бывший слесарь-разметчик Мотовилихинского завода Василий Афанасьевич Польшгалов 21 июля 1944 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

Далее этот лодырь высказывал свою заветную мечту: пусть вообще исчезнут с карты все реки, моря, горы и прочие ненужные подробности. Вот тогда очень просто будет ему учить географию. Пусть лишь одни полюса останутся, так уж и быть, — Северный и Южный. А больше ничего не надо.

Газета, наверное, висела в школьном коридоре, перед ней толпились мальчишки и девчонки со значками «Ворошиловский стрелок», ГТО и ГСО («Готов к санитарной обороне!»), читали стихи, разглядывали карикатуру, а из дверей учительской смотрела на них та самая Людмила Степановна. Она уже знала, что географию этим ребятам придется учить на практике, что многие из ее учеников с боями пройдут через города Германии, карту которой не хотел чертить неизвестный лентяй. А многие и не дойдут до этих городов.

И странно, как тревожно звучат теперь те давние, неумелые и неуклюжие ребячьи стихи из школьной стенгазеты...

ИСТОРИЯ С ПЕДАЛЯМИ

Однажды Елена Николаевна Щенникова увидела, как лихо выжимает в гору на своем велосипеде восьмиклассник Володя Сафонов, и помогла ему записаться в велосипедную секцию при заводском спортклубе.

А осенью, на общешкольной линейке, попросив у директора слово, объявила:

— Ребята! Мы должны поздравить Володю Сафонова. Этим летом он стал чемпионом Перми среди школьников по велосипедному спорту.

Машиной о двух колесах, со звонком, владели тогда немногие счастливики. У Володи велосипед появился следующим образом.

Отец его, рабочий электрического цеха, за отличную работу был премирован гармонью. С тех пор гармонь эта, сияя кнопками, лежала в доме на почетном месте.

Лежала себе и лежала. Никто в семье играть на ней не умел.

Как-то вечером, придя с завода, отец вдруг посмотрел на нее пристально, словно впервые заметил, и удивился:

— Ведь попусту пылится! Надо бы ее на что-нибудь сменять. Ты, Вовка, чего хочешь?

Володя ответил, не задумываясь:

— Велосипед.

И гармонь выменяли у соседа на старенький, разболтанный велосипед «ЗиФ» — завод имени Фрунзе.

На этом велосипеде, основательно его подремонтировав, Володя гонял по ухабистым улицам родной Язовой, с ним пришел в секцию, стал чемпионом Мотовилихи и Перми, ездил в Свердловск, на первенство Уральской области. Там, в гонке на двадцать километров, ему не повезло. Всю дистанцию он лидировал, далеко оторвавшись от соперников, но уже в нескольких сотнях метров от финиша проколол шину и в результате занял всего лишь третье место.

Велосипед был его первой любовью.

Второй стала авиация, самолеты.

Он запускал с Вышки легкие, склеенные из дранки и папиросной бумаги, модели с резиновым моторчиком. Белый самолетик медленно планировал вниз, и казалось, что сам летишь вместе с ним, чувствуешь, как от раскаленных зноем железных крыш струями поднимается горячий воздух; под крыльями

мелькают улицы, деревья, огороды с пыльной картофельной ботвой, купающиеся в пруду ребятишки, и сердце сжимается от страха: вдруг зацепишься за провода?

В ходу был лозунг: «От авиамодели — к планеру, от планера — к самолету!»

Окончив девять классов и уже работая на заводе, в том же электрическом цехе, где и отец, Володя прошел годичный курс учебно-летней подготовки (КУЛП) при городском аэроклубе, а затем поступил в пермскую школу пилотов. Летал мастерски, и после окончания школы его оставили при ней инструктором. Он учил курсантов водить самолеты Р-5, Ил-2, ДБФ-4, на котором Чкалов мечтал облететь вокруг света.

Едва началась война, сразу подал рапорт об отправке на фронт. Ему отказали. Он подал другой рапорт. Третий. Наконец, уже летом 1942 года, добился своего — был отправлен командиром эскадрильи ночных бомбардировщиков в 224-й полк авиации дальнего действия. Позднее этот полк станет Краснознаменным, ему будет присвоено почетное наименование Ржевско-Будапештского.

В один из майских дней 1943 года по взлетной полосе аэродрома, расположенного под Москвой, один за другим разбегались, отрывались от земли и брали курс на запад самолеты эскадрильи капитана Сафонова — эскадрилья получила задание бомбить Берлин.

В бомбоотсеки загружено по одной бомбе весом в тонну и по десять стокилограммовых.

Берлин бомбили еще не часто, и на тонновых бомбах механики вывели разные надписи. Надписи разные, но смысл у всех один: получай, фюрер, гостинцы.

Перед вылетом с особой тщательностью проверили все системы. Задание ответственнейшее, и лететь далеко: из-под Москвы, над охваченной пожаром Россией, над истерзанной Белоруссией и многострадальной Польшей, прорваться к столице третьего рейха. Но это еще полдела. Знали, как фашисты охраняют Берлин. День и ночь дежурят на аэродромах десятки истребителей, готовых взлететь по первому сигналу тревоги. Кругом сплошные аэростатные заграждения, прожекторные установки. Кольцами опоясывают подступы к городу зенитные батареи. Ниже шести тысяч метров нечего и соваться — собьют.

Вся надежда была на опыт, уже немалый, и на верный Ил-4.

Практически невозможно вести за собой эскадрилью на расстояние в тысячи километров, ночью, порой в густой облачности, когда летчик не видит даже плоскостей собственного самолета и ведет машину, ориентируясь только по приборам.

Поэтому обычно назначался отрезок времени, в течение которого самолеты эскадрильи должны выйти на цель над заданным квадратом для нанесения массированного удара. А шли поодиночке.

Хорошо, ночь выдалась темная, безлунная. А то при луне, бывает, летишь, словно сам себя несешь в подарок фашистским зенитчикам.

Точно в срок эскадрилья вышла к заданному квадрату.

Грохота разрывов не слышно, да и не видать, что там творится внизу, но штурманы засекают время, щелкают фотокамерами — хронометраж и пленка покажут, чьи бомбы накрыли цель.

Но это потом, дома. А туда нужно еще добраться.

Через час полета попали под зенитный обстрел. Внезапно самолет качнуло, от осколка загорелся правый мотор. Пламя удалось погасить, однако теперь надо было тянуть к аэродрому на одном моторе.

Сафонов выровнял машину, снова взял курс. Но он уже чувствовал, видел по приборам, что самолет начинает заворачивать вправо. Трудно, невероятно трудно вести тяжелый Ил-4 на одном моторе. Чтобы самолет не отклонился с курса, приходится все время давить ногой на педаль.

Через полчаса нога стала затекать.

Может быть, той ночью выручила сноровка велосипедиста, накопленная в детстве и ранней юности выносливость, которая помогала со всей силы нажимать на педали даже у самого финиша в гонке на двадцать и пятьдесят километров.

Может быть...

Но сейчас это напряжение требовало еще большей отдачи.

Деревенеющая нога давила на педаль управления, потерявший маневренность Ил-4 медленно шел на одном моторе.

Над Польшей начало светать, над Белоруссией встало солнце. Дважды, надеясь на легкую поживу, налетали вражеские истребители и отставали, отогнанные пулеметным огнем.

Сафонов держал курс, хотя болела уже не только нога, но все тело — мышцы спины, шея.

Его самолет вернулся на аэродром последним из всей эскадрильи.

А на следующий день командир полка сообщил:

— Задание выполнено успешно.

Летчики знают, что скрывается за этой лаконичной формулировкой. Если задание не просто «выполнено», а «выполнено успешно», значит, полный порядок: аэросъемка показала, что «наделали делов», или сугубо по-военному: объекты уничтожены. А сколько их еще впереди, заданий?

Сколько заданий, столько и полетов — боевых, учебных, рабочих. Вплоть до того, последнего, когда уже после войны, на мирном заполярном аэродроме рухнет на льдину трофейный «юнкерс» и кавалер шести орденов, Герой Советского Союза Владимир Ильич Сафонов, три года проведя в госпиталях, никогда уже не сможет сесть за штурвал самолета.

Он бомбил города Восточной Пруссии — Кенигсберг, Тильзит, Инстербург. Под Ленинградом поднимался в воздух в тридцатиградусный мороз, когда на высоте температура в кабине падает до минус пятидесяти, пальцы прикипают к штурвалу. Громил технику врага под Сталинградом и Орлом, у Брянска и Харькова, Киева и Пскова. Под Фастовом был подбит, последним из экипажа покинул горящий самолет уже на высоте четырехсот

метров — едва успел дернуть кольцо парашюта, как тут же ощутил под ногами землю. Секундой позже и разбился бы.

Владимир Сафонов подготовил двадцать экипажей, совершил 270 боевых вылетов в дальний тыл противника, а летчики его эскадрильи — 750 вылетов.

...Припав к рулю велосипеда, худенький мальчик мчится вниз по Висимской горе. Парусом вздулась рубашка, дребезжит звонок, в сияющий диск сливаются спицы.

МОТОРЫ И ГОЛУБИ

Если по школьной лестнице спуститься вниз, на первый этаж, к выходу, сразу бросается в глаза плакат на двери:

Стой, школьник!
Ты знаешь прекрасно —
Выбегать на дорогу
Опасно!

А когда-то было неопасно, и многие выпускники помнят, как в конце 20-х годов несметная ребячья толпа валила за первым появившимся в Мотовилихе легковым автомобилем: по-утиному переваливаясь на выбоинах мостовой, волшебнo гудя клаксоном, окутанный таинственным облачком выхлопных газов, он проехал по Большой ули-

це с трепещущим на радиаторе красным флажком — символ будущего.

Но вскоре это чудо стало привычным. В 1934 году Пермь посетил нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, и по его приказу четырнадцать передовиков производства Мотовилихинского завода были награждены легковыми автомобилями.

А затем за крайними домами недавно построенного Соцгородка в Рабочем поселке весело загудел паровоз-малютка — здесь открылась станция пионерской железной дороги.

Маленькие, в полроста, семафоры, новенькие рельсы и шпалы, остро пахнущие креозотом, стрелки, миниатюрное здание вокзала, до блеска начищенный колокол, извещающий об отправке поезда: специально изготовленный на Мотовилихинском заводе крошечный паровозик «кукушка», а за ним четыре ярко раскрашенных вагончика; стен у них нет, только навесы на столбиках и скамейки. На скамейках важно сидят малыши в белых панамах.

Дорога еще строилась, а по вечерам группа будущих железнодорожников из школы № 47 собиралась возле дома, где жил Святослав Анисифорович Данилевич, заместитель директора завода по транспорту. Терпеливо ждали. Данилевич возвращался с работы усталый, но при виде ребят улыбался:

— Ну что, путейцы? Айда чай пить.

Пили чай с сухарями и баранками.

Данилевич говорил:

— Для машиниста чай — первое дело. Усталость снимает...

Хозяйка уносила стаканы и пустые блю-

дечки из-под варенья, на стол ложились книги и тетрадки для записей. С полмесяца шли занятия теоретические, после — практические, на технике, под руководством заводских транспортников и опытных машинистов.

Каждый день за окраиной Соцгородка гудел паровоз.

Во время военных игр поезд становился бронепоездом «Красный партизан», на вагончиках устанавливали фанерные щиты с маскировочным рисунком. Бойцы с деревянными винтовками шли в атаку, бронепоезд прикрывал их «огнем», сложно маневрировал, двигаясь то назад, то вперед, и машинист, чтобы убыстрить реакцию и обострить внимание, старательно сосал кусочек сахара — этот способ советовал применять Данилевич.

«Мы мирные люди, но наш бронепоезд...»

В паузах вступал паровозный гудок. Как сладко тревожил он мальчишечьи сердца!

Первого сентября, после уроков, здесь, на станции малой дороги, собрались ребята и учителя мотовилихинских школ. В этот день праздновали МЮД — Международный юношеский день (ныне Всемирный день молодежи).

Митинг, парад, гром оркестра, спортивные и шуточные соревнования, но Сережа Куфонин ни в каких мероприятиях участия не принимал. С двумя товарищами он сидел в стороне, на травке, чуть отрешенно взирая на все происходящее. Его задача — сыграть на этом празднике последний, завершающий аккорд.

Возле стояла большая клетка, от которой

постоянно приходилось отгонять любопытных. Из нее доносился шорох и тихие булькающие звуки — гукали голуби.

Неподалеку расположились другие голубятники. Иногда кто-нибудь извлекал из клетки своего любимца, и мохноногая птица, вызывая всеобщее восхищение, мгновенно собирала вокруг себя целую толпу. В знатоках и ценителях недостатка не было.

Наконец сигнал подан.

Сереза склоняется над клеткой. Один за другим, подброшенные его рукой, голуби, шумно трепеща крыльями, взмывают вверх. Десятки голубей. Сотни! То здесь, то там слышится залиvistый свист, птицы ходят кругами в еще не поблекшем небе ранней осени, сверкают на солнце белым и сизым оперением. Серезе кажется, что нет в мире зрелища прекраснее и величественнее, чем это. Минут десять голуби кружатся над Соцгородком, поднимаются все выше, исчезают в солнечном мареве, уносятся к бесчисленным голубятням, рассеянным по всей Мотовилихе.

А пока еще пернатыми челноками снуют в вышине их стаи, сама собой рождается песня: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Кто начал, не поймешь. Но песню уже подхватили, понесли.

Почему именно ее?

Техника и голуби... Что между ними общего? Холодный металл и живой теплый комочек пуха и перьев. Маленькое сердечко, бьющееся под пальцами, и мотор.

Но мотор-то не простой, а «пламенный»! И не «вместо сердца», как пелось в песне. Скорее, наоборот — сердце вместо мотора.

«Все выше, и выше, и выше...»

Голубь — птица мира. Но мир нельзя отстоять без могучего воздушного флота.

...На западной границе застал молодого летчика Сергея Куфонины июнь сорок первого.

Он видел, как падали бомбы на незащищенные белорусские города, как гитлеровские асы с бреющего полета хладнокровно расстреливали из пулеметов колонны беженцев, хотя по личному опыту знал, что даже с большой высоты трудно спутать эти бесконечные скорбные колонны с находящимися на марше войсками.

Песня в ритме фокстрота, когда-то наливавшая душу летучей силой, теперь забылась, ушла в прошлое. Она сделала свое дело. С ней поднялось в воздух целое поколение, которому отныне предстояло взять на себя смертельно опасную, но в какой-то степени и обыденную работу военных летчиков.

Еще совсем недавно, когда Сергей учился в летном училище, как приятно было в новенькой форме идти по улицам, ловить на себе восхищенно-почтительные взгляды прохожих. Сейчас он понимал, что это восхищение выдавалось ему авансом. Настало время оплатить его трудом и кровью.

А в небе пока безраздельно господствовала вражеская авиация. Летать приходилось главным образом ночью. ДБФ-4 — отличный самолет, но брони на нем нет. Неуютно чувствуют себя летчик и штурман под защитой плексигласового листа толщиной всего один миллиметр. Не то что из пулемета — из «мелкашки» можно пробить.

Однако летали. Бомбили. Наносили по на-

ступающим фашистам редкие, но точные удары.

К началу Сталинградской битвы Сергей был уже опытным штурманом. Теперь он летал на самолетах штурмовой авиации. Его Ил-2 утюжил позиции врага под Оршей и Витебском, Минском и Каунасом: Сергей вернулся туда, откуда начал отступать на восток.

Однажды ночью его вызвали на командный пункт 135-го Краснознаменного полка штурмовой авиации. Перед группой в составе восемнадцати экипажей поставили задачу: вывести из строя вражеский аэродром в районе города Шауляй, под Вильнюсом.

Взлетели в темноте, с таким расчетом, чтобы нанести удар в предрассветных сумерках. Даже радиосвязью не пользовались — для скрытности. К аэродрому подошли вовремя: фашисты как раз готовили самолеты к вылету. Экипажи возились у машин.

Не они ли три года назад безжалостно поливали свинцом вереницы беженцев?

Штурмовики пикируют на цель.

На аэродроме паника, зенитчики опомнились и открыли беспорядочную пальбу лишь когда «илы» делали уже второй заход над летным полем, ведя огонь из пушек и пулеметов. А дежурные истребители взлететь не успели, их уничтожили при первом же заходе, после чего проштурмовали остальные самолеты на стоянке, склад боеприпасов, взлетно-посадочную полосу.

А вскоре Сергею Куфонину — ведущему штурману двадцати четырех штурмовиков, приказано было обеспечить прорыв наших танковых и стрелковых частей под станцией

Вилкавишкис. Фашисты подтянули сюда много техники, рассчитывая перейти в контрнаступление. Но не сумели. Штурмовики Куфонина нанесли сокрушительный удар по их танкам и артиллерии. Войска 3-го Белорусского фронта, продолжая наступать, вошли на территорию Восточной Пруссии.

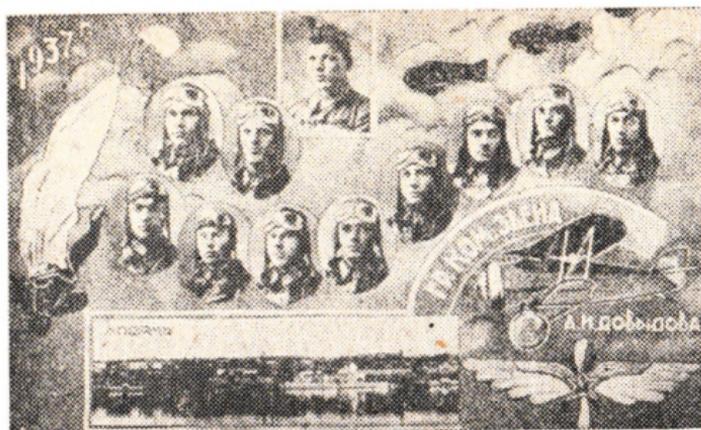
Громя танковые колонны и мотомехчасти, доты и дзоты, блиндажи и батареи врага, Сергей Куфонин совершил 162 боевых вылета, лично сбил четыре фашистских истребителя.

После Победы он продолжал летать...

Голубь — птица мира, свившая гнездо в шлеме древнегреческого бога-воителя Ареса.

Голуби парили над Москвой, а над ними, в майском и ноябрьском небе, проплывали эскадрильи. Один из самолетов вел полковник авиации, Герой Советского Союза Сергей Федорович Куфонин.

Двадцать раз он участвовал в воздушных парадах над Красной площадью.

ПИТОМЦЫ АЭРОКЛУБА

Аттестат о прохождении курса учебно-летной подготовки при пермском аэроклубе: над названиями предметов, оценками и цифрой проведенных в воздухе часов изображен Государственный герб СССР, как бы охраняемый стоящими справа и слева от него красноармейцем и летчиком, а внизу — над полем, над трактором, над дымящими трубами тяжелой индустрии — летит самолет.

Среди семнадцати Героев Советского Союза, воспитанных Мотовилихой, десять — летчики.

Шестеро из них учились в школе № 47.

С чего начиналась у этих ребят тяга в небо?

Может быть, стальные птицы завладели воображением еще в ту давнюю пору, когда с висевшей на шее неизменной кружкой-копилкой бегали, сверкая босыми пятками, по улице, кричали:

— Дяденька! Копейку на строительство эскадрильи «Наш ответ Чемберлену»!

На спичечных коробках нарисован был краснозвездный самолет с крепким рабочим кулаком вместо пропеллера: вот наш ответ Чемберлену.

Или, может быть, начиналась эта любовь с книги Фаусека «Схематическая модель самолета» — настольной книги многих ребят того поколения?

Или с рассказов о знаменитой планерной школе в Крыму, под Коктебелем?

Или все началось позднее — с эпопеи «Челюскина», когда спасавшие полярников летчики стали первыми Героями Советского Союза?

И уж, видимо, вконец растревожены были ребячьи души сообщениями о беспримерных перелетах Чкалова, Громова, Қоккинаки.

В газетах писали: «Весь мир узнал, каких результатов могут добиться советские летчики на отечественных машинах, изготовленных из отечественных материалов...»

В 1934 году М. М. Громов установил мировой рекорд дальности полета, пролетев без посадки 12 411 километров.

В 1937 году В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков совершили беспосадочный перелет Москва — Северная Америка.

В. Қ. Қоккинаки за сутки долетел из Москвы до Владивостока. Полина Осипенко, Ве-

ра Ломако и Марина Раскова на гидросамолете без посадки покрыли расстояние от Черного моря до Ледовитого океана.

Лишь в 1936—1937 годах советские летчики вписали в таблицу ФАИ (Международной авиационной федерации) 18 новых мировых рекордов. Как же было не гордиться этим, не стараться походить на этих людей?

Молодая республика рвалась в небо. Даже особый термин появился в те годы — «аэрофикация страны». В одной из своих речей нарком обороны К. Е. Ворошилов выдвинул лозунг: «Каждому селу — кружок планиристов, каждому районному центру — аэроклуб!»

В Перми аэроклуб открылся в 1933 году, вскоре ему было присвоено имя Центрального Комитета ВЛКСМ. А уже через год клубная эскадрилья в воздухе сопровождала поезд челюскинцев от Кунгура, где приняли эстафету у свердловчан, до Перми. Прославленные полярные летчики М. Т. Слепнев и Н. П. Каманин оставили на память курсантам такую запись: «За овладение авиатехникой боритесь так же, как челюскинцы боролись с суровой природой Арктики».

Наверное, у Григория Лядова, Сергея Куфонины, Владимира Сафонова, Алексея Гашкова, Евгения Ежова и у многих других мотовилихинских мальчишек, их сверстников, путь в авиацию был в чем-то свой, в чем-то не похожий на пути остальных, но было и общее: почти все они прошли через аэроклуб. Из школы № 47 в курсанты шли не только мальчишки, но и девочки — например, Нина Вахрушева, выпускница тридцать девятого года.

Школа внимательно следила за успехами своих авиаторов. Однажды в стенгазете появился такой рисунок: вдали несколько самолетиков, оставляющих за собой пунктирный след фигур высшего пилотажа, возле самолетиков — фамилии учеников школы, курсантов аэроклуба, а на переднем плане стоит птица-мама и, наставительно подняв крыло, говорит вылезшему из гнезда удивленному птенцу:

«Учись! Тебе бы так!»

Но до этого нужно было пройти долгий путь.

В журнале «Огонек» Женя Ежов читал о спортсменах-планеристах: высоко над горами они следят за полетом орлов, неподвижно распластавших свои могучие крылья, чтобы, внимательно наблюдая за этими птицами, уловить таинственное струение воздушных потоков и заставить их в течение долгих часов поддерживать планер на лету.

Увы, хотя клубный аэродром и находился за Городскими Горками, поблизости не было ни гор, ни орлов.

Товарищи изо всех сил растянули длинный резиновый шнур амортизатора, чтобы придать планеру энергию взлета, Женя выдернул стопор, и неуклюжий фанерный ОС-4, приминая широкой лыжей траву, пробежал по полю, взмыл в воздух.

Высоты всего-то метров пятнадцать, да и некогда наслаждаться впервые испытанным чувством полета: нужно плавно отжать рукоятку управления и следить за обтекателем, дабы не задрался слишком высоко. Иначе, потеряв скорость, ткнешься носом в землю,

как случилось с Димкой Мордвиновым, парнем из их школы. Сам Димка отделался испугом и синяками, а бедный ОС-4 всей группой чинили две недели, собирали буквально по кускам.

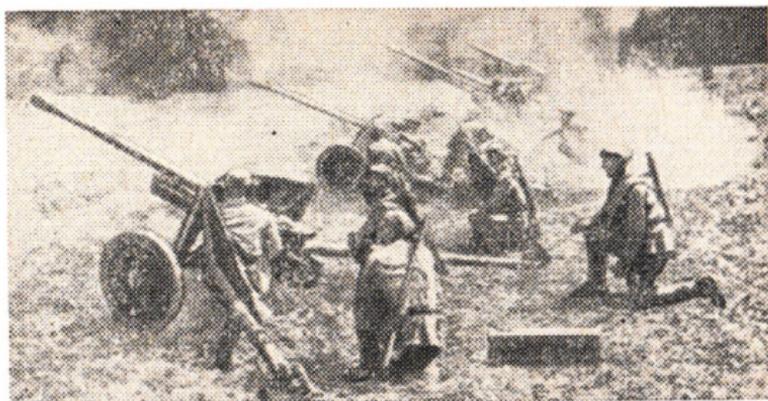
Пальцы судорожно вцепились в рукоятку, глаза не видят ничего, кроме округлости обтекателя. Оказывается, полет — это прежде всего работа.

Ниже, ниже.

Посадка... Подбегают ребята, машут руками, что-то кричат. Женя их не слышит. Он улыбается блаженной, глупой и счастливой улыбкой. Первый в жизни перелет на расстояние двухсот метров продолжительностью полторы минуты благополучно завершен.

А потом будет У-2, знаменитая машина: с нее начинали практически все летчики Великой Отечественной. Восторг высоты и спокойный, отрезвляющий голос инструктора Григория Сирицкого, о котором один из его учеников вспоминал позднее: «Он привил нам любовь к авиации, хотя и казался тогда излишне придирчивым. Но это был не придирчивый, а требовательный человек. Он умел воспитать выдержку, хладнокровие, настойчивость. И как же пригодились нам эти качества потом, когда пришлось воевать!»

А настоящий планер так и остался детской мечтой: с 1937 года все аэроклубы страны начали перестраивать свою работу на военный лад. Близились иное, грозное время, выцветала прикипяченная к стене картинка из журнала «Огонек», на которой девять разноцветных планеров-парителей волшебным веером идут над Крымскими горами.

ТРИ ДРУГА

Восемнадцатого августа, с утра, Гриша Лядов, Миша Мингалев и Ваня Мальцев встретились возле кинотеатра «Горн», под афишей фильма «Профессор Мамлок» — всем классом смотрели его накануне. На афише изображен пожилой человек в белом халате, с усталым и печальным взглядом — врач, ставший жертвой нацистских идей о «чистоте арийской расы».

Август перевалил за середину, через две недели начнутся занятия — десятый класс! — а пока еще можно беспечно слоняться по пыльным улицам, вдыхая запах разбросанных у базара арбузных корок, можно купаться в Каме, ходить по грибы, словом, наслаждаться по-

следними днями последних в жизни летних каникул.

И все-таки друзьям кажется, что лето еще не прошло через свой зенит. Именно сегодня его вершина, его высшая точка — День авиации. Самый лучший праздник!

Все трое — курсанты аэроклуба. На будущий год договорились вместе поступать в Чкаловское летное училище.

С утра сотни людей тянутся по улице в сторону аэродрома за Городскими Горками. Идут целыми семьями, ведут за руки ребятшек.

День ясный, небо синее, и в самом воздухе этого дня разлито пьянящее предчувствие праздника.

Из заводской проходной выезжает грузовик, битком набитый веселыми парнями и девушками. Над их головами колышется плакат: «В ответ на провокации японских самураев — все в ряды ОСОАВИАХИМ!»

Из-под плаката вырывается озорная частушка:

Если надо, Коккинаки
Долетит до Нагасаки,
И покажет он Араки,
Где и как зимуют раки!

Совсем недавно, всего десять дней назад, отгремели бои на озере Хасан, и друзьям не нужно объяснять, кто такой Садао Араки — бывший военный министр, глашатай японского милитаризма.

Издали доносится бодрый марш:

Враг не станет щадить безоружных,
И крылатый бескрылого бьет.
Мы не строили замков воздушных,
Мы воздушный построили флот...

Чем ближе в аэродрому, тем громче музыка, льющаяся из подвешенного к столбу репродуктора:

Нет страны, где ценили бы лучше,
Нет страны, где б любили сильнее
Командиров эскадры летучей,
Капитанов воздушных морей!

У въезда ветер раздувает огромное полотнище со словами К. Е. Ворошилова: «Кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен!»

Миша, Ваня и Гриша в сегодняшнем параде не участвуют: зелены еще. А вот Юра Иванов, парень из их класса, вместе с инструктором Михаилом Ходыревым будет проводить экскурсии по материальной части У-2.

Умолкает репродуктор. Дирижер, стоя перед оркестром, из-под ладони смотрит вверх, в ту сторону, откуда все явственнее долетает слитный гул моторов.

Вот он вскинул над головой обе руки. Взмахнул ими. И грянули трубы: воздушный парад начался!

Конечно, не такой грандиозный, как в Москве, в Тушино, где в этот день собирается до миллиона зрителей, где поднимаются стратостаты с гигантскими портретами Маркса, Энгельса и Ленина, где в параде участвуют сотни самолетов, десятки планеров, где можно увидеть и моноплан, и даже «бесхвостку» — летающее крыло.

Разумеется, такого великолепия нет на аэродроме за Городскими Горками. Но пилоты клубной авиации тоже знают свое дело. Есть на что посмотреть.

Над зеленым полем проходят самолеты.

Они идут высоко, медленно, а в это же время один из пилотов демонстрирует бреющий полет: с оглушительным стрекотом пронесется у самой земли, волнами разгоняя некошеную траву.

А самолеты, тройками идущие вверху, внезапно все разом ложатся в крен на одно крыло под углом 45 градусов и так делают круг над аэродромом. Неожиданно головная машина, выпрямившись, ныряет вниз, входит в мертвую петлю. То же самое повторяют другие самолеты: сначала ведущий тройки, за ним — ведомые. Бочка, штопор, пике... Курсанты пермской школы пилотов ведут в воздухе учебный бой, производят «бомбометание», а в конце программы — высадка парашютного десанта.

Прыжок с парашютом Ваня Мальцев впервые увидел года три назад. И когда парашютист начал делать скольжение, то есть, подтягивая стропы, уменьшать площадь купола, чтобы приземлиться в нужной точке, у Вани замерло сердце: неужели катастрофа?

Теперь-то уж он так не подумает, сам прыгал...

Здрав головы, смотрят ребята, как небо над ними покрывается десятками разноцветных куполов.

Потом они гуляли по городу, стояли возле здания почтамта, украшенного огромным панно: на нем изображались все этапы развития почтовой авиации. В городском саду пили лимонад, ели мороженое, слушали беседу «Как большевики покорили Северный полюс». Отчаянно болели за мотовилихинцев — участников конкурса на запуск бумажного змея.

А накануне ребята из школы № 47 оборудовали в подшефном детском саду парашютную вышку. С нее под восторженный визг малышни сигнали на трюпочных парашютах куклы и мишки с глазами-пуговицами.

Наверное, трое друзей не знали, что недавно Пермский горком ВКП(б) принял постановление «О подготовке ко Дню авиации».

В нем говорилось:

«Вся подготовительная работа к празднику советской авиации проводится под знаком разъяснения трудящимся международного положения СССР, разоблачения агрессивных планов и действий японо-германского фашизма, ознакомления с героической борьбой народов Испании и Китая против озверелых фашистских орд...»

Но друзья уже знали, что такое фашизм.

Они видели не только фильм «Профессор Мамлок» и кадры испанской хроники: вереница детей с узелками поднимается по трапу на борт советского корабля, пылают разрушенные бомбами крестьянские дома. Они кричали «ура!» у репродукторов, когда республиканские войска нанесли франкистам поражение под Гвадалахарой, а названия кварталов осажденного Мадрида звучали для них так привычно, что, пожалуй, не заблудились бы в испанской столице.

«Но пасаран!» «Бандьера росса...»

В школе выдавали привезенные из Испании апельсины — по штучке на брата, и чудесные эти плоды, которых большинство мотовилихинских девчонок и мальчишек прежде

и в глаза не видали, пахли не только южным солнцем, но и порохом.

Поэт-фронтовик Владимир Карпеко сказал о своем сверстнике и сверстнике этих ребят:

А он включал в свои планы
Учебу в аэроклубе.

Ибо:

Пылали дальние страны
Рубинами перстней на Круппе.

Это сказано о целом поколении.

13 мая 1944 года с аэродрома 511-го разведывательного авиаполка, расположенного на окраине молдавского села Сингурены, взмыл в небо самолет Пе-2 с выведенной на фюзеляже надписью: «За родную Белоруссию!»

Экипаж машины состоял из трех человек: летчик Владимир Завадский, стрелок-радист Алексей Филимонов и штурман Григорий Лядов. Эти люди воевали вместе третий год, и не было в полку экипажа храбрее и удачливее: много раз выполняли задания, требующие не просто смелости, но настоящей дерзости.

В тот день экипаж должен был произвести разведку оборонительных сооружений в районе яссо-кишиневской группировки фашистских войск.

Это труднейшая работа — под огнем зениток, уходя от истребителей, вскрывать оборону врага, и успех вылета зависит прежде всего от штурмана: он прокладывает курс и ведет съемку. Григорий был мастер своего дела, хотя часто даже самому себе не мог толком объяснить, почему тот или иной участок местности

кажется особенно важным, почему вдруг про-
сишь летчика: «Зайди-ка еще раз вон над тем
леском. И пониже!» Видимо, помогало чутье,
интуиция, когда в мгновенном и как бы не-
осознанном решении концентрируется весь
прежний опыт.

А опыта хватало. За год воздушной раз-
ведки Григорий сфотографировал 9738 квад-
ратных километров занятой противником тер-
ритории и еще 1070 километров заснял в
непосредственной близости от линии фрон-
та — эти квадраты были самыми трудными.
За это время тринадцать раз встречались с
вражескими истребителями. Шесть встреч за-
кончились боями. Два «мессера» не вернулись
на свои базы, упали в украинской степи.

Утром 13 мая 1944 года Пе-2 шел на не-
большой высоте вблизи города Бакеу. Григо-
рий вел аэросъемку. Наконец доложил коман-
диру:

— Все, Володя.

Но у экипажа было еще одно задание —
бомбардировать железнодорожную станцию
неподалеку от Ясс. Вот бомбы сброшены, и са-
молет круто уходит ввысь. Завадский берет
курс на аэродром. Лететь оставалось километ-
ров тридцать, когда над селом Хитрешты вне-
запно вынырнули из облаков девять фашист-
ских истребителей. Три из них были сбиты
прежде, чем загорелся прошитый очередью
бензобак Пе-2.

Шли уже над освобожденной территорией,
и командир отдал приказ прыгать с парашю-
тами. Сначала выбросили за борт вымпел с
отснятой пленкой. Сам Завадский и Филимо-
нов приземлились удачно, парашют Григория

тоже раскрылся, но фашистский самолет, промчавшись мимо, крылом оборвал стропы.

Пленку вскоре подобрали и использовали при наступлении наших войск, а тело Гриши Лядова, любимца полка, нашли только через месяц. Друзья похоронили его на краю аэродрома, с которого он последний раз поднялся в небо. Прогремели залпы прощального салюта. Рядом с летчиками стояли жители села Сингурены, среди них — четырнадцатилетний Коля Цуркану. Он запомнил этот день на всю жизнь...

Еще несколько недель мимо могилы пробегали, уходя на задание, самолеты однополчан, потом 511-й перебазировался дальше на запад, а Гриша Лядов остался лежать в молдавской земле.

Звание Героя Советского Союза было присвоено ему уже посмертно — 26 октября 1944 года.

Фанерный каркас, обтянутый перкалью — просмоленным батистом. Соединенные тросиками легкие двойные крылья. Биплан. Кто сплет оду великому труженику — У-2?

Знал ли Миша Мингалев, впервые садясь за его штурвал, что этот самолет станет ему верным другом на все четыре военных года?

«Огородником» любовно называли У-2 летчики, потому что при необходимости он может совершить посадку чуть ли не на пространстве обычного деревенского огорода. С небольшой высоты, подбитый, способен спланировать на землю. Даже частенько летали на нем без парашютов: штурман в полете держит пара-

шют на коленях, летчик на нем сидит, а это неудобно, мешает.

Но на первых порах, конечно, с некоторым презрением относились к старому знакомцу. Букашка клубная! Не думали, что придется воевать на таких машинах. И как же поражен был Михаил Мингалев, узнав, что командир его полка, майор Черненко, на этой вот букашке сбил знаменитый «Мессершмитт-10» — гордость фашистской авиации...

У-2 был и разведчиком, и транспортником, и санитарным самолетом. Для Михаила он стал бомбардировщиком. Порой бомбонагрузку давали до двухсот килограммов, так что бедный маленький У-2 еле отрывал колеса от взлетной полосы. Позднее стали снимать с моторов тяжелые глушители, чтобы уменьшить вес самолета и взять больше бомб. Даже, бывало, убирали пулемет, а вместо него штурман прихватывал с собой винтовку.

Какой еще самолет, кроме старенького клубного У-2, удастся быстро и надежно спрятать всего в четырех километрах от линии фронта? На каком другом сделаешь десять и больше вылетов за одну короткую летнюю ночь?

А если помножить двести килограммов на десять вылетов? Такой груз мог принять в бомбоотсек лишь тяжелый бомбардировщик.

Михаил Мингалев провоевал до Победы, был ранен, не раз возвращался на аэродром в самолете, у которого не только фюзеляж и плоскости иссечены были пулями и осколками, но даже колеса изрублены.

И дважды прихотливая фронтовая судьба едва не свела с друзьями-одноклассниками.

Дважды поманила возможностью встречи и оба раза обманула.

В мае 1944 года 714-й отдельный авиаполк, в котором он служил, базировался в Молдавии, у Новой Обрежи — неподалеку от села Сингурены, где стоял полк Гриши Лядова. Повидаться бы, наговориться за все время разлуки... Но не пришлось: погиб Гриша.

А двумя годами раньше, осенью сорок второго, стояли на формировании в центре России. И здесь же, совсем рядом, буквально в нескольких километрах, находился аэродром Вани Мальцева. С ним еще в детстве соседствовали на улице Свободы, а в школе за одной партой сидели.

Соседи-то соседи, а так и не встретились.

В ноябре того же года пришло в Мотовилиху, на улицу Свободы, письмо:

«Привет из д. Черново Московской области Ногинского района.

Прежде чем приступить к описанию всех событий, разрешите познакомиться с вами, родные Ивана Дмитриевича Мальцева. Пишет вам простая советская девушка, работающая в тылу и помогающая нашей доблестной Красной Армии.

Дорогие родные Ивана Дмитриевича, сообщая вам прискорбное известие о гибели вашего сына, который погиб при аварии самолета, выполняя правительственное задание. Авария случилась в ночь на 31-е октября, неподалеку от нашей деревни. Схоронили Ивана Дмитриевича на кладбище в селе Стромьни вместе с его тремя товарищами. В тот миг, когда опускали их в вечную холодную могилу,

был ясный солнечный день. Последние свои минуты они отживали при ясном свете. Жалобно пели птицы, которым жаль было расставаться с молодыми сердцами.

Дорогие родные Ивана Дмитриевича, я не знаю, кто вы есть, но вместе с вами переживаю эту тяжелую утрату.

Провожали Ивана Дмитриевича и его товарищей все наши люди, проживающие на территории двух колхозов. Положили их в белые гробы и покрыли белыми полотенцами. Мы, девушки, убрали могилу цветами.

С приветом к вам

Стулова Глафира Ивановна».

Но Мария Степановна Мальцева, мать Вани, получила из деревни Черново еще одно письмо, от двух пожилых колхозниц. Они сообщили, что на борту разбившегося самолета было пять человек и один из них остался жив.

И у матери возникает последняя надежда: вдруг Глаша Стулова ошиблась? Вдруг Ваня жив?

Из Мотовилихи в деревню Черново летит письмо-закливание, но уже на следующий день Мария Степановна прочтет слова Кости Носкова, тоже школьного товарища Вани, однопольчанина:

«...Иван был хороший и отзывчивый товарищ. Мне было очень тяжело, когда я переживал это, хотя мы все находимся в действующей армии и каждый вылет рискуем отдать жизнь. Но ничего не поделаешь, война есть война, и каждый из нас готов отдать жизнь за родную землю. Иван отдал все свое умение и погиб с честью, как лучший воздушный бо-

ец и советский гражданин. Но я вам клянусь, что за Ивана, за вас, за свою сестру (она погибла в Ленинграде) отомщу с лихвой...»

А Глаша Стулова отвечает:

«Была на могиле погибших и сказала вашему сыну, что мама прислала письмо, и чтобы он мне что-нибудь ответил оттуда, что вам писать, но он молчит...»

А затем приходит на улицу Свободы письмо от Вани, уже мертвого.

Это письмо, написанное накануне гибели, товарищи нашли в кармане его окровавленной гимнастерки и переслали Марии Степановне:

«Добрый день, мама!

Большой привет от меня. По-прежнему не исправим — пишу редко. Но и жив-здоров по-прежнему. Ночь занят, а день сплю, так что время идет незаметно. Питание нормальное. Живу в комнате на четверых. В общем, как в доме отдыха, если не считать работу. Все же усталость от ночи чувствуется...

Через несколько дней — праздник. Справьте его получше и за себя, и за меня, а то ведь я дома его не справлял уже целых три года. Ничего, что меня там не будет. В мыслях я с вами.

Большой праздничный привет бабушке.

Тебя, мама, поздравляю с праздником 7 Ноября.

Твой сын Ваня».

Ясный октябрьский свет на сельском кладбище. Братская могила. Молодые сердца. Девушка Глаша... В руке у нее присланная Ма-

рией Степановной маленькая фотокарточка Вани Мальцева.

Незадолго до гибели он писал:

«Мама, за меня не волнуйся, потому что опасного тут ничего нет...»

«ОГНЕННЫЙ» ВЫПУСК

Взрослые люди рассаживаются за ученическими столами — в том же классе, на тех же местах, где они сидели на уроках сорок лет назад. Смех, неразбериха, кто-то в шутку обижается, что вот, мол, конечно, как всегда — лучшее место у окна опять занято...

Чеканя шаг, ребята вносят знамя школы, звучит команда:

— На знамя смирно!.. Вольно.

Директор школы Вера Григорьевна Даньшина начинает переключку:

— Анисимов Сергей.

— Старший лейтенант, артиллерист. Был ранен. Сейчас инженер, начальник отдела на судостроительном заводе в Горьком.

— Баишев Владимир.

— На фронте с сорок первого и до Победы. Тоже артиллерист. Рядовой. Ныне старший мастер производственного объединения «Моторостроитель».

— Истомин Борис.

— Воевал под Москвой, на Западном фронте. Сержант, командир стрелкового отделения. После войны — на комсомольской и партийной работе. Сейчас доцент кафедры политэкономии Ждановского металлургического института.

— Домнин Виктор.

Отвечают товарищи:

— Подорвался на mine в январе сорок третьего года, на Невской Дубровке, защищая Ленинград...

И на стол, за которым осталось свободным место Виктора Домнина, ложится красный тюльпан.

Идет встреча выпускников 1941 года — они узнали о начале войны через несколько дней после прощального школьного бала.

А Вера Григорьевна продолжает переключку:

— Догаев Александр...

Организаторы встречи не смогли отыскать никого из родных Шурика Догаева, чтобы пригласить их сюда, в этот класс. Но в областном военкомате хранится копия извещения о его гибели:

«В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, гвардии сержант военфельдшер Александр Иванович Догаев был убит 30/XII-1942 г. Похоронен 1000 м. западнее дер.

Горбы Лычковского р-на Ленинградской обл.».

И еще один тюльпан ложится на стол.

— Емельянцев Евгений.

— Пал смертью храбрых в сорок четвертом в Белоруссии...

— Иванцов Геннадий.

— Пропал без вести в боях под Сталинградом...

У стен стоят ребята в пионерской форме, комсомольцы, учителя. Все словно в почетном карауле. Срывающийся от волнения детский голос зачитывает строки из последнего письма Геннадия Иванцова к родителям, помеченного сентябрем 1942 года:

«За меня будьте спокойны. Свою Родину, свою партию, свой народ и вас, дорогие моему сердцу, не подведу, буду стоять до последнего патрона, а не будет патронов — есть гранаты. Сталинград был, есть и будет наш...»

Теперь это письмо хранится в школьном музее.

Идет перекличка... Павшие и живые, они сейчас снова все вместе, в одном столбце, как в расположенном по алфавиту списке классного журнала.

— Мошева Александра.

— Была зенитчицей, защищала Ленинград. Потом уехала поднимать целину...

— Почетаев Владимир.

— Сгорел в танке под Воронежем...

— Рутман Валерий.

— Погиб в битве на Волге...

Шестеро выпускников сорок первого года навеки останутся юными в памяти своих учителей и одноклассников.

Шесть алых тюльпанов легли на столы.

Продолжается перекличка:

— Соколова Зоя.

В апреле 1942 года, в составе первого эшелона пермских девушек-добровольцев, Зоя Соколова отправлялась на фронт.

В полученном предписании значилось: иметь при себе две смены чистого белья, два полотенца, кружку, ложку, вещевого мешок, взять продовольствие на трое суток.

Перед отправкой мотовилихинских девушек собрали в заводском клубе. Стояли в строю, под большим, во всю стену, плакатом со словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Завершая напутственную речь, один из выступавших сказал:

— Я думаю, никто из вас, девчата, не вернется обратно.

При этих словах воцарилась мертвая тишина, потом из толпы провожающих — отцов, матерей, сестер и младших братьев, послышались всхлипывания женщин. Заплакала и мама Зои Соколовой.

А выступающий, волнуясь, просто оговорился. Он хотел сказать, что девушки не хуже мужчин овладеют военной специальностью и никого из них не вернут обратно, в тыл... Густо покраснев, понял свою ошибку, заговорил снова. Неприятное впечатление сглажено, однако и через три года, обнимая на вокзале дочь, Зоина мама вспомнит эту оговорку...

Медленно ходили тогда поезда — до Москвы ехали десять суток. О чем только не переговорили, чего только не передумали!

А Зоя вспоминала школу, потому что до недавнего времени школа была главным в жизни, с ней связано все самое хорошее, самое светлое.

Вспоминались учителя, друзья и подруги, и танцы на школьных вечерах — вальс, танго, краковяк, и украшенный виньетками альбом, какие были у всех девочек класса: в него переписывались любимые стихи и песни, в нем красовались поздравления и пожелания, а на первой странице Рита Попова изобразила — на счастье — летящую птичку; Зоя же пририсовала ей розочку в клюве.

Милый смешной альбом, бесценное сокровище — переводные картинки с кошечками, цветами и аккуратными девочками в нарядных платьицах. Вместе с ним дома осталось детство.

Впрочем, оно давно уже кончилось.

Зоя вспоминала, как осенью вместе с другими ребятами, жившими неподалеку от школы, выносили из классов парты, столы и стулья, заносили кровати: школу переоборудовали под госпиталь. Зимой, окончив курсы медсестер, Зоя пришла сюда работать. В палате иногда вдруг начинала напевать вполголоса и заметила, что это успокаивает раненых. А они все чаще стали просить:

— Спой, сестричка!

Особой популярностью у молодых бойцов пользовалась нежная «Чайка», напоминающая о довоенных летних вечерах, о танцплощадках, о любимых девушках.

Зоя пела:

Чайка смело пролетела
Над седой волной,

Окунулась и вернулась,
Вьется надо мной...

И еще:

Веселья час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда.
Давай пожмем друг другу руки
И в дальний путь на долгие года...

Она часто выступала на школьных вечерах и немного гордилась своим голосом (после войны пела в Свердловском театре музыкальной комедии) — все-таки колоратурное сопрано.

И как же намучилась с этим сопрано, когда пришлось вырабатывать командирский голос. Подашь команду:

— Стой! Напра-во!

А девушки в строю чуть не падают от хохота. И старшина смеется:

— Это еще что у нас за соловушка объявился! А ну, повторить!

С обувью тоже морока. Худенькая невысокая Зоя носила туфельки тридцать четвертого размера, но на складе самые маленькие ботинки оказались сорокового. Помаршируй-ка в таких!

Зоя думала, что ее пошлют на фронт медицинской сестрой или сандружинницей, но попала в учебное подразделение ПВО, освоила зенитный пулемет Березина — «крыльевой» и обороняла Москву от налетов фашистской авиации.

Когда на подступах к столице появлялись вражеские бомбардировщики, батареи противозенитной обороны открывали заградительный огонь. Море огня! И волной в этом море плескались очереди пулемета, из которого

стреляла старший сержант Соколова. Она была первым номером расчета — стрелком.

Потом Зоя стала радисткой, а после Победы вернулась в родную школу — уже учителем: два года преподавала радиотехнику и даже военное дело.

Медсестра, пулеметчица, радистка, военрук, она не совершила никаких особенных подвигов. Просто она подставила свое тонкое девичье плечо под общий груз, наравне с другими несла тяжесть великой войны.

А на вопрос юбилейной анкеты о любимом занятии (накануне вечера встречи эту анкету разослали всем выпускникам сорок первого года) Зоя Николаевна Соколова ответила так: «Мое любимое занятие — гулять в лесу...»

Из многих пунктов этой анкеты — серьезных и шуточных, возьмем только один: «Твое самое яркое воспоминание о школьных днях».

Олимпиада Константиновна Дугина:

«Трудно выделить что-то одно. Помню и закрытие церкви, и пионерские лагеря, и вступление в комсомол, и всякие мелочи: как, например, с Милкой Ганичевой ходили «в город» (так тогда говорили), сделали маникюр, на обратном пути чуть не поморозились, а в классе все прятали руки под партой...»

Вера Павловна Юнейко:

«Поездка на лыжах в лес всем классом...»

Сергей Семенович Работкин:

«Ремонт школы собственными силами. Николай Петрович Мингалев, наш директор...»

Юлий Борисович Борисов:

«Чудесные вечера-маскарады. Помню себя

в костюме бравого гусара...»

Ираида Ивановна Мишуринских:

«Самое яркое воспоминание — это вы все, дорогие мои одноклассники...»

Людмила Петровна Ганичева:

«Боевые комсомольские собрания, диспуты, походы в театр и просто прогулки, и наши любимые учителя, и первая любовь, и горечь разлуки...»

Маргарита Ивановна Постановова:

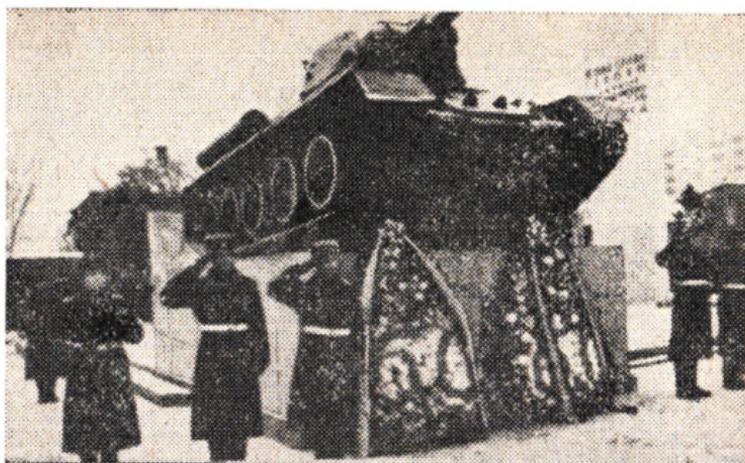
«Почему-то часто вспоминаю, как болтали на уроках с Зоей Соколовой и «висели» за это в стенгазете...»

Любовь Васильевна Заозерских:

«Помню поездку на Гайву на следующий день после выпускного бала. Так чудесно тогда в нас все перемешалось — и взрослое, и детское...»

Борис Николаевич Истомин:

«Любое воспоминание о школе — из самых ярких...»

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Летом сорок первого Юра Рочев и Женя Шадрин, комсорг школы (по традиции секретарь комитета комсомола переизбирался после третьей четверти), окончили девятый класс. Еще до будущей весны можно сидеть за партой, но их одноклассник Боря Дрокин, воспитаник классной руководительницы Александры Ивановны Луниной, уже погиб под Москвой... Друзья добровольцами уходят в армию.

Женю направляют на курсы радиотелеграфистов, Юру — в танковое училище.

«В/часть 187
Подразд. 53

Родителям курсанта
тов. Рочева Юрия Васильевича.

Благодарим за достойное воспитание Вашего сына. Ваш сын — отличник боевой и политической подготовки, активный общественник. Он правильно понял свои обязанности перед Родиной. Прекрасный товарищ, дисциплинированный и честный, он является образцом для всего курсантского состава нашей части. Он готовится стать советским офицером, выкованным в период тяжелых для нашей Родины испытаний. Ваш сын добросовестно изучает боевую технику, чтобы, овладев ею, приблизить час разгрома фашистских орд и отомстить за миллионы замученных фашистами советских людей. Надеемся, что Ваш сын с честью выполнит эту благородную задачу. Примите благодарность всего личного состава.

Командир взвода л-т Каргин Ф. Д.».

Юра погибнет в марте 1944 года. Его последнее письмо отцу, написанное вскоре после выхода из госпиталя, помечено 20 февраля.

«Привет с Украины! Здравствуй, папа!

Совсем случайно попал в соединение, в котором воевал. Думаю перебраться в свою часть. Вчера приходил к своим ребятам, встретили замечательно. Все зовут к себе. Сегодня решится вопрос о моем переходе. Там же получу награду, номер приказа уже знаю.

Представлялась возможность ехать обратно в тыл, но я думаю: это мне не подойдет. Нужно сейчас завоевать и обеспечить будущую жизнь. Или умру героем, или буду жить человеком.

Поздравляю с новыми успехами, желаю дальнейшей удачи в нашем общем деле —

изгнании и уничтожении гитлеровских захватчиков.

Вчера мне стукнуло 20 лет. Отмечать эту дату буду 23 февраля — по-фронтовому.

С приветом и уважением
твой сын Юра».

А Женя Шадрин стал связистом и бессменным комсоргом 315-го отдельного гвардейского минометного дивизиона «катюш». Фашистская Германия подписала капитуляцию, а дивизион еще сражался — для Жени Шадрина война окончилась 13 мая 1945 года, за Прагой, через четыре дня после Победы.

Вот страничка из его фронтового дневника последней военной весны:

«И снова ночной марш. Колонна дивизиона выскакивает на рокадную дорогу. Вдруг шофер нашей радиомашины Кузьма Пьянков резко тормозит, распахивает заднюю дверь кузова и радостно кричит:

— Смотри, славяне!

Зрелище представилось действительно необычное: с увала на десяток километров вперед лента шоссе светилась от включенных на полную мощность танковых и автомобильных фар.

Эх! И наш Кузьма монтировкой срывает жестяной экран светомаскировки с одной фары, потом с другой... Ослепительно глянули они в расступившуюся темень.

Это буквально потрясло всех нас. Сколько лет мы крались по ночным фронтовым дорогам почти что ощупью. Что в зимнюю или осеннюю мглу мог сделать узенький снопик света, да еще часто прерывавшийся при истощенном вопле: «Воздух!» А в эту ночь...

Правда, днем пришлось Кузьме восстано-
вить светомаскировку. И она не раз служила
нам верой-правдой на неблизком еще пути к
Берлину и Праге. Но, наверное, в ту ночь, на
освещенном шоссе, мы впервые, нутром, что
ли, почувствовали свою ратную силу и близ-
кую радость победы...»

Необычные, а точнее — героические — судь-
бы выпускников школы предвоенных и воен-
ных лет не надо искать: откройте журнал, и
каждая строчка с фамилией и именем — боль-
шая судьба одного из поколения сороковых...

Когда началась война, Надя Рыжова окон-
чила всего семь классов. Пришлось бросить
учебу и идти на завод: стала фрезеровщицей.
А ростом Надя не вышла. С рукоятками стан-
ка управлялась, но, если нужно было заме-
нить фрезу или заготовку в тисах, приходи-
лось взбираться на специальную подставку.

Однако Надя во что бы то ни стало реши-
ла уйти на фронт. Сначала записалась на кур-
сы медсестер и сандружинниц, но при первом
же посещении госпиталя оказалось, что она
не выносит вида крови: дурно сделалось. А как
еще можно попасть на фронт? Если к тому
же тебе и восемнадцати лет не исполнилось...
Надя явилась к начальнику штаба заводского
отряда народного ополчения и попросилась
на курсы снайперов. Тот, разумеется, отказал
девчонке: мала, дескать. Надя пришла снова.
Тогда начальник штаба взял ее с собой в тир,
дал винтовку и три патрона: стреляй, мол, по-
кажи, на что способна. На его удивление,
результат оказался вполне приличным — ска-

зались занятия в школьной стрелковой секции.

Надя окончила курсы и сразу же отправилась в военкомат, где повторилась та же история: отказ, новый визит, опять отказ... В конце концов Надя, обладавшая завидным упорством, получила то, чего добивалась: направление в центральную снайперскую школу.

Вскоре, как и положено снайперу, она с расстояния сто метров могла перебить пулей телеграфный провод.

В начале 1944 года, вместе со своей лучшей подругой — Сашей Мартемьяновой из деревни Шерья Нытвенского района, Надя прибыла на фронт, в 331-ю стрелковую дивизию, стоявшую на Смоленщине.

Через полтора месяца на ее счету было уже шестнадцать фашистов.

...От командира одного из стрелковых батальонов, занимавшего позицию в первых траншеях, стали поступать тревожные донесения: напротив позиции батальона появился фашистский снайпер.

Каждый день батальон недосчитывался двух-трех бойцов. Были приняты все меры предосторожности, солдаты и офицеры старались лишний раз носа не высовывать над бруствером, но потери не убывали. И никак не удавалось засечь место, где прячется вражеский снайпер (в переводе с английского «снайпер» буквально означает «стрелок из укрытия»). Он делал всего два-три выстрела в день. И ежедневно батальонный писарь ставил печати на двух-трех похоронках.

Когда Надя Рыжова и Саша Мартемья-

нова явились к комбату, тот оглядел их с некоторым сомнением:

— Ой, дочки! Справитесь ли? По всему виду, снайпер-то у них — ас!

— Постараемся...

Ночью на нейтральной полосе, работая без малейшего шума, девушки оборудовали две ячейки для стрельбы. Из траншеи прихватили с собой каску, моток проволоки и маленькое зеркальце.

Каску установили между ячейками, на низеньком столбике — издали покажется, будто ползущий боец поднял голову.

Зеркальце укрепили рядом — с таким расчетом, чтобы первые лучи солнца, отразившись от него, упали бы на каску. Затем заняли огневую позицию — каждая в своей ячейке, а между ячейками натянули проволоку для подачи условных сигналов друг другу. Только так и можно переговариваться на нейтральной полосе.

Пока работали, казалось, что стремительно летит время — вот-вот рассветет. Но еще долго тянулась ночь. Медленно светлел горизонт, неспешно выплывало солнце из утренней дымки. И едва лишь зеркальце отбросило на каску солнечный зайчик, со стороны вражеских позиций раздался выстрел. Пуля звякнула о лысьвенский металл, сбросила каску со столбика.

Тут же на одном из стоявших поодаль деревьев зашевелилась листва.

Саша и Надя вместе нажали на спусковые крючки своих винтовок с оптическим прицелом. Два выстрела грянули одновременно, слились в один. Фашистский снайпер кулем

вывалился на землю из люльки, подвешенной к ветвям дерева.

А всего за свои полтора военных года Надежда Александровна Рыжова уничтожила 78 гитлеровских солдат и офицеров*.

* В главе использованы материалы Б. А. Чернева.

«ГРОХАЕМ ПО-КРОХАЛЕВСКИ!»

22 июня 1941 года. Воскресенье. День нерабочий, но вечером в цехах Мотовилихинского завода прошли стихийные митинги — люди собрались сюда, чтобы в эти грозные часы ощутить рядом плечо товарища.

Людно и в инструментальном цехе, который с давних пор был верным и заботливым шефом школы № 47. Тревожно режут заводские гудки. Выступающие говорят коротко, просто, без «бумажек». Единогласно принимается резолюция: «Мы, рабочие, работницы, инженерно-технические работники, вместе со всем народом считаем себя мобилизованными на Отечественную войну, будем еще больше повышать

производительность нашего труда для одержания полной победы над врагом. Смерть кроваво-жидким фашистам!»

Закончился митинг, и сразу загудели станки — ночная смена осталась в цехе.

В первые дни войны Государственный Комитет Обороны поручил заводу в кратчайший срок наладить выпуск противотанковых орудий и легких полковых пушек. Их не хватало прежде всего. Фашистское командование вводило в бой все новые танковые соединения, бронированные машины со свастикой, сминая гусеницами несжатую пшеницу, двигались на восток. Со связками гранат, с бутылками, наполненными зажигательной смесью, выходили против них наши бойцы.

Нужно было остановить вражеские танки, и уже в ноябре, когда колонны вермахта рвались к Москве, на подступах к столице «заговорили» мотовилихинские пушки. На берега Камы приходили письма от воинов-артиллеристов: «Спасибо, уральцы! Побольше бы таких орудий!»

Мотовилихинцы отвечали делом. В начале сорок второго года завод выпускал вдвое больше пушек, чем в первые месяцы войны. А в дальнейшем — столько, сколько в обычное время могли бы дать четыре-пять артиллерийских заводов.

Мотовилихинские орудия гремели под Сталинградом, огненным валом накрывали окопы врага на Курской дуге. Броневые щиты надежно укрывали артиллеристов от пуль и осколков.

Летом 1944 года воины 142-й армейской пушечно-артиллерийской Верхднепровской

Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригады, форсировав Неман, вышли к границам Восточной Пруссии. 22 августа расчет сержанта Якова Никифорова занял боевую позицию севернее литовского города Вилкавишкис. Прозвучала команда:

— По фашистской Германии — гранатой, взрыватель осколочный, заряд полный — огонь!

Тридцать снарядов выпустил расчет Никифорова.

Эти первые за всю войну выстрелы по территории гитлеровской Германии были произведены из пушки-гаубицы МЛ-20 № 3922, изготовленной на Мотовилихинском заводе в сорок первом году. Свой боевой путь орудие начало в битве под Москвой и закончило его на улицах поверженного Берлина.

Ребята уходили на фронт, девушки вставляли к заводским станкам. Многие выпускницы школы № 47 пришли работать в инструментальный цех Мотовилихинского завода — шифы охотно брали «своих».

Образование в десять и даже девять классов считалось тогда солидным. Люба Посягина стала контролером ОТК, а Рите Поповой доверили фрезерный станок с автоматическим управлением — новейший, американский, полученный по ленд-лизу. Рядом с этой машиной рослая Рита казалась маленькой девочкой.

Домой приходила усталая, с ожогами на руках от раскаленной стружки. Работали по двенадцать часов, а потом занимались на

курсах медсестер при отряде народного ополчения, часто бывали в госпиталях — пели раненым, писали за них письма. А еще огород, дрова на зиму. О младших братишках и сестренках тоже нужно позаботиться...

Как-то утром, придя в цех, девочки увидели на стене новый плакат — большие красные буквы складывались в загадочные слова: «Грохаем по-крохалевски!»

Что бы это значило?

К началу Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Анатолий Крохалев, получивший высшую награду в боях с белофиннами, командовал уже полком морских бомбардировщиков.

В июле 1941 года газета «Правда» поместила статью о нем. Корреспондент сообщал: получив задачу разбомбить вражеский аэродром, Анатолий — ведущий трех эскадрилий — зашел на цель с той стороны, откуда фашисты никак не ожидали налета; внезапным бомбовым ударом аэродром противника был выведен из строя. С тех пор и повелось в полку — спросят командира эскадрильи, вернувшегося с боевого задания, как прошла операция, а тот рапортует: «Грохаем по-крохалевски!» И всем все понятно.

На Мотовилихинском заводе работали две младшие сестры Анатолия. Прочитав корреспонденцию в «Правде», они послали ему телеграмму:

ДОРОГОЙ НАШ БРАТ ТОЛЯ!

МЫ ГОРДИМСЯ ТОБОЙ. МЫ СЧАСТЛИВЫ, ЧТО ТЫ БЕССТРАШЕН В БОЯХ С ПРОКЛЯТЫМИ ФА-

ШИСТАМИ. ГРОМИ ИХ ДО КОНЦА, ДО ПОЛНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ! ОБЕЩАЕМ, ЧТО БУДЕМ ДОСТОЙНЫ ТЕБЯ. СЕГОДНЯ ТВОЯ СЕСТРА МАРИЯ РЕШИЛА ОБРАТИТЬСЯ КО ВСЕМ РАБОЧИМ ЗАВОДА С ПРИЗЫВОМ: «РАБОТАТЬ ПО-КРОХАЛЕВСКИ!» МАРУСЯ У НАС СТАХАНОВКА, РАБОТАЕТ ХОРОШО, НО ОНА И МЫ ВСЕ БУДЕМ РАБОТАТЬ ЕЩЕ ЛУЧШЕ. ЕЕ ПРИЗЫВ ПОДХВАТЯТ ВСЕ ТВОИ ЗЕМЛЯКИ. И ЭТО, НАМ КАЖЕТСЯ, БУДЕТ ЛУЧШИМ ПОДАРКОМ ТЕБЕ, НАШЕМУ ЛЮБИМОМУ БРАТУ, ГЕРОЮ, БУДЕТ ЛУЧШЕЙ ПОМОЩЬЮ НАШЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ.

Мотовилихинцы подхватили присказку летчиков. «Грохаем по-крохалевски!» — значит, работаем на полную силу, выполняем и перевыполняем сменные задания.

А инструментальщикам приходилось решать труднейшие, иногда просто головоломные задачи. Ведь завод постоянно осваивал новые виды продукции, следовательно, требовался и новый инструмент. Однако и старого не хватало.

Когда перестали поступать на завод абразивы, сумели наладить их выпуск у себя в цехе.

Когда дефицитными стали инструменты с алмазом, инструментальщики П. М. Николаев и А. И. Шипицын стали применять вместо алмазов твердосплавную крошку.

Когда ощутилась нехватка обычных инструментов, в цехе научились восстанавливать отработанные фрезы, резцы, сверла, напильники.

За четыре года войны рационализаторы цеха внесли 171 предложение, экономия от которых перевалила за миллион рублей.

Уже осенью 1941 года в цехе была создана одна из первых на заводе комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Молодые рабочие обязались трудиться по-фронтовому, с полной отдачей. Иногда в перерыве между сменами не успевали даже побывать дома — спали прямо в цехе, но сменные задания бригада выполняла на 180—200 процентов.

Уральские пушкари, вчерашние школьники...

МИНИСТР ИЗ МОТОВИЛИХИ

Отец у Вити Кротова умер рано, жили вдвоем с мамой, Екатериной Дмитриевной, в маленьком домике на 3-й Висимской улице, которая тогда называлась Козьей — за последними ее домами начинался козий выпас.

Но ни козы, ни тем более коровы у Кротовых не было. По вечерам Екатерина Дмитриевна говорила:

— Давай-ка, сынок, ступай... Звездочку-то уж подоили, наверное.

Корова Звездочка проживала неподалеку, на дворе у родителей Володи Гилева — закадычного Витинового дружка. Каждый вечер Витя ходил к Гилевым за молоком. Иногда придет, да не вовремя. То Звез-

дочка на пастбище припозднилась, то не подоена еще — хозяйке некогда.

А по утрам Витя ходил в школу на Висимском холме. Учился хорошо, увлекался техникой и в четвертом классе прославился первым своим изобретением на всю Козью улицу. Сам смастерил два телефонных аппарата: один установил у себя дома, другой — у Володи. По проводу сговаривались идти на каток, по грибы или просто гонять тряпичный мяч за огородами. Но главной причиной, двинувшей вперед техническую мысль, была все та же корова.

Вечером Витя звонил и спрашивал:

— Вовк! Звездочку-то подоили?

Получив утвердительный ответ, важно опускал деревянную трубку, брал банку и отправлялся за молоком.

Было это в 1924 году, когда о телефонах в Мотовилихе многие знали только понаслышке.

Впоследствии Виктор Кротов внесет множество рационализаторских предложений, будет получать патенты на изобретения, станет обладателем дипломов и медалей ВДНХ, лауреатом Государственной премии.

После четвертого класса он простился со своей любимой учительницей Клавдией Ивановной Собакинских и перешел в ФЗУ — фабрично-заводское училище. Находилось оно в каменном двухэтажном доме на Большой улице. Однажды, уже взрослым человеком, Виктор пошутил, что с этим домом связаны два важнейших события его жизни: начало рабочей биографии и женитьба на Нине Максимовне — позднее, в 30-х годах, училище пере-

вели в другое здание, а здесь разместился районный загс.

Пожились они, когда Виктор, по комсомольской путевке окончив Пермский индустриальный техникум, вновь пришел на родной завод, но уже не слесарем, а механиком цеха. Жили вместе с мамой Екатериной Дмитриевной все на той же Козьей улице, зарплата была не ахти какая, и по воскресеньям Виктор серьезно спрашивал у молодой жены:

— Ну, Нина, что выбираешь: чай с конфетами или кино? — Сразу на то и другое денег не хватало.

В техникуме, на преддипломной практике Виктор попал под начало к старому инженеру Войновскому, который работал на заводе с незапамятных времен и знал еще Н. Г. Славянова — изобретателя электросварки. Строгий и скупой на похвалы Войновский, выдавая Виктору характеристику, не сдержался и в конце приписал своим витиеватым, старорежимным, как говорили подчиненные, почерком: «Этот студент будет хорошим инженером...»

Предсказание сбылось. Вскоре Виктор стал начальником цеха, а к началу войны, хотя ему не исполнилось и тридцати лет, был уже заместителем главного инженера завода.

И осенью сорок первого, когда в Мотовилиху начало прибывать оборудование одного из эвакуированных подмосковных предприятий, директор завода А. И. Быховский предложил поручить организацию новых цехов Виктору Васильевичу Кротову.

Вскоре его вызвал к себе находившийся тогда в Перми нарком вооружений Дмитрий

Федорович Устинов. Объяснил обстановку и сказал:

— Сроку тебе даю — месяц. Через месяц на базе прибывшего оборудования нужно начать выпуск пушек. Немцы рвутся к Москве. Сам понимаешь...

Легко ли за месяц построить десять новых цехов, поставить станки, наладить технологию? Все равно что пустить целый завод!

Чтобы сэкономить время, решили использовать помещения, к производству никакого отношения не имеющие. Станки установили в магазинах, жилых домах, бараках, гаражах. В одном конце бывшего универмага еще монтировали оборудование, а в другом уже пели фрезы, повизгивали токарные резцы — готовили задел деталей. Мотовилихинцы принимали в свои дома эвакуированных рабочих и инженеров Подмосковья.

Виктор Васильевич справился с задачей точно в срок: ровно через месяц, в дни битвы под Москвой, первый эшелон с орудиями, знаменитыми «сорокапятками», вышедшими из новых цехов, отправился на запад.

Восьмого мая 1945 года Виктор Васильевич весь день провел на испытаниях и вернулся уже в четвертом часу утра. Впрочем, за годы войны Нина Максимовна успела к этому привыкнуть. Еще хорошо, что пришел. А то частенько не хватало времени: пару часов поспит в бараке на полигоне или у себя в кабинете, и все.

Она быстро собрала мужу не то ужин, не то завтрак, вскипятила чай. Виктор Василье-

вич сел за стол, и тут раздался телефонный звонок.

В этом тоже ничего необычного не было. Звонили ему в любое время, и позвонить мог кто угодно: от директора до рабочего из ночной смены.

Виктор Васильевич взял трубку, послушал и бросил ее мимо рычага. Обняв жену, закурился с ней по комнате:

— Победа, Ниночка! Все, дождались!

Затем, не притронувшись к еде, выскочил на улицу. К проходным уже шли люди.

— Победа! — кричал он на бегу. — Ура!!!

Сгреб в охапку какую-то девушку-работницу, поднял, как ребенка:

— Как тебя звать?

— Маша...

— Победа, Маша! Ура-а!

Так он и вбежал в то утро на территорию завода — с девушкой на руках.

А потом ему выпало почетнейшее дело — организовать свой рабочий салют.

Ох и закатили же мотовилихинцы победный залп! Такой, что во многих цехах и в здании заводоуправления повывлетали стекла.

На следующий день встретил Виктора Васильевича директор завода. Спросил, указывая на пустые рамы в своем кабинете:

— Твоя работа?

— Моя.

— Тебе и вставлять.

— Да-а, — сказал Виктор Васильевич, — трудная задача. Но бывали и потруднее... Вставим!

И оба рассмеялись.

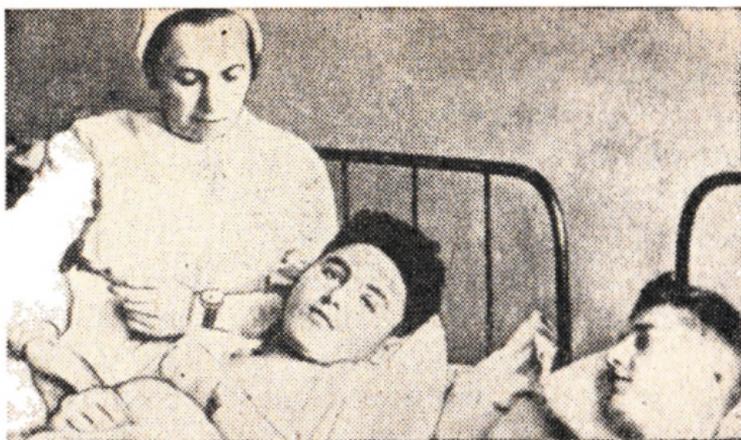
Война кончилась, начинался мирный труд.

Мотовилиха всегда была кузницей кадров.

После войны Виктора Васильевича послали на Дальний Восток, затем он назначен был директором Уралмашзавода. Позднее работал в Москве, восемь лет возглавлял Министерство энергетического машиностроения СССР.

В 1982 году Виктор Васильевич Кротов стал Героем Социалистического Труда.

А годом раньше этого звания удостоен был другой бывший ученик школы № 47 — Борис Иванович Ушаков, управляющий трестом «Союзпромбуммонтаж» в Ленинграде, выпускник тридцать шестого года.

ПАЛАТЫ В КЛАССАХ

Две неразлучные подруги, Тая Хейфец и Нина Поварницына, танцевали на своем выпускном балу в июне сорокового. Вместе поступили в пединститут, на отделение немецкого языка, проучились год, но когда началась война, решили, что учительницами они успеют стать потом, а сейчас стране нужнее другая профессия. Девушки подали заявления на организованные при институте курсы медсестер. Через три месяца, сдав экзамены, Тая готовилась ехать на фронт, но вышло иначе: вместе со свидетельством об окончании курсов она получила направление в пермский эвакогоспиталь № 5938. Госпиталь этот разместился в ее родной школе.

Второй раз за четверть века школьные классы превратились в больничные палаты. Впервые школа была занята под госпиталь еще во время гражданской войны.

Странно было проходить по знакомым с детства коридорам, где вместо веселого ребячьего гама стояла тишина, пропитанная запахом лекарств. Тая заглянула в свой класс: тесно, одна к другой, стоят койки, на стене висит чудом уцелевшая таблица с периодической системой Менделеева.

Но позднее почти во всех палатах появились географические карты. Шкаф бывшего кабинета географии опустел полностью. Хороших карт, таких, чтобы можно было по сводкам Совинформбюро отмечать линию фронта, не хватало, и в палате у Таи висела, например, климатическая карта полушарий с изотермами и столбиками, обозначающими количество выпадающих осадков.

И опять же странно было вспоминать, что когда-то она, Тая, с падающим сердцем, с дрожащей в руке указкой выходила к этой карте — отвечать. Да разве же это страшно! Страшно другое...

Тая стала палатной медсестрой, а легкораненых, ходячих, в ее палате не было. Лежали бойцы с тяжелыми травмами позвоночника.

За несколько дней перевернулись все прежние представления о жизни. То, что совсем недавно казалось важным, вдруг сделалось ерундой, не стоящей волнения и внимания, а важным было только одно — человеческие страдания и возможность их облегчить.

Все прочее как бы перестало существовать.

А ребята продолжали учиться, но уже в разных зданиях: младшие — на улице Красная площадь (есть в Мотовилихе улочка с таким названием!), старшие — на Республиканской.

Зимой ходили на берег Камы, ломами и топорами вырубали вмерзшие в лед бревна, копошились в снегу, как муравьи, — маленькие, худые, голодные, в стареньких плохоньких пальтишках, и какое же это было счастье, когда на помощь им правление завода прислало не лошадь, даже не трактор, а трофейный немецкий танк «фердинанд»! Пускай поработает фашистская техника!

Здесь же, на берегу, бревна пилили, кололи, а дрова носили в школу. Теперь в классах лучшими считались места не у окна, а у печки.

Учились в три смены.

В то время в городе не хватало бензина, поэтому на многих грузовиках поставили газогенераторы и вместо бензина использовали березовые чурки.

И ребятам приходилось порой проявлять чудеса изобретательности, чтобы, например, изготовить обыкновенные чернила: их делали из бережно собранных крошечных кусочков грифеля от химических карандашей, из печной сажи, а учительские, красные чернила — даже из свеклы.

Не хватало перьев. Новое перо было величайшей драгоценностью.

Не хватало бумаги. Писали на обоях, на полях газетных полос, в старых тетрадках между строчками.

И в то же время ребята собирали чистые листы бумаги и отправляли на фронт, чтобы

бойцы могли послать письмо домой. По себе знали, каково это, когда долго нет весточки от отца. На почтовых ящиках, подвешенных у ворот и калиток Мотовилихи, появились надписи вроде этой: «Сюда опускать письма от папы с фронта. Папа, пиши!»

Бесценные карандаши, разрезав на три части, тоже отправляли в посылках на фронт. Девочки вязали для фронтовиков теплые носки и варежки, вышивали платки и кисеты. Позднее собирали одежду и посуду для жителей районов, пострадавших от оккупации.

На стенах домов зажглись красные тимуровские звезды — ребята помогали солдаткам и вдовам вскапывать огороды, пилить и колоть дрова, нянчить малышей.

Кавалерист Михаил Косяков с саблей в руке мчался в атаку, а ребята, на летних каникулах убирая в подшефном колхозе сено, выпускали боевые листки с таким лозунгом: «Каждый центнер сена — это еще один удар нашей славной конницы по врагу!»

Проводили субботники на заводской территории — собирали металлолом, расчищали от снега подъездные пути. На железнодорожной станции принимали раненых с санитарных поездов.

И, конечно, одной из главных забот был подшефный госпиталь № 5938.

Чистили на кухне картофель, работали в госпитальной аптеке. Девочки чинили раненым белье, штопали носки. Летом собирали цветы, ягоды, сушили грибы. Устраивали в палатах концерты, читали бойцам письма из дому. Сладко было пожилым солдатам слышать рядом детский голосок, напоминающий о

доме, о собственных детях. Сладко и больно: как-то они там? Нередко тайком от медперсонала раненые сэкономили сахар и хлеб, чтобы отдать их маленьким чтецам и певицам.

— Что, братцы, заняли мы ваши места? — говорили они. — Вы уж потерпите. Прогоним Гитлера, снова будете здесь учиться...

В мае 1984 года пришел в школу незнакомый человек с орденскими колодками на груди. Он ходил по этажам, заглядывал в классы. Наконец зашел в учительскую и остановился у порога.

Его спросили:

— Вам кто-то нужен?

— Нет, — ответил он. — Я так, посмотреть...

— Что посмотреть?

— Понимаете, в сорок третьем я здесь лежал. В этой комнате... Вон там стояла моя койка.

Бывший сержант-пехотинец В. Е. Шашков, живущий в Сочи, приплыл в Пермь на туристическом теплоходе и нашел госпиталь, где сорок лет назад его вырвали у смерти, выносили, поставили на ноги.

Теперь ребята из совета музея ведут с ним переписку, он прислал в школу свои воспоминания — о врачах, сестрах, товарищах по палате.

Тогда решили отыскать и других бойцов, лежавших здесь во время войны. Послали запросы в Ленинград, где хранятся госпитальные архивы, и в областной военкомат. Занималась этим восьмиклассница Марина Берг:

совет музея поручил ей разработать экскурсию по теме «Госпиталь в школе».

Марина с азартом взялась за дело. И вдруг выяснилось, что не стоило напрасно утруждать ленинградских архивистов. Один из бойцов, лечившихся в госпитале № 5938, отыскался рядом с Мариной и оказался не кем-нибудь, а ее собственным дедушкой Иваном Прокопьевичем Богдановым. Вот так! А она и не знала...

И еще интереснее — лежал-то Иван Прокопьевич как раз в той палате, где находится школьный музей. Тут и День Победы встретил.

Но самое удивительное произошло потом.

Нужно было оформить стенды новой экспозиции, и Марина безуспешно пыталась найти хоть какие-нибудь фотографии тех лет. Увы! Ничего не сохранилось ни у Таисии Исаковны Хейфец, ни у Лидии Алексеевны Лагуновой — она окончила школу в 1939 году и тоже работала в госпитале медсестрой. Казалось, задание было на грани срыва.

А Иван Прокопьевич, довольно улыбаясь, выложил перед потрясенной внучкой целую кипу старых снимков — настоящий госпитальный фотоархив, фотолетопись. Он с юности увлекался фотографией и в госпитале, едва дело пошло на поправку, раздобыл аппарат и начал снимать. Причем снимал все подряд, словно предвидел, каким бесценным документом станут через много лет его снимки. Раненые, врачи, сестры, санитарки. Даже лечебные процедуры в ванной комнате запечатлены на пленке.

Фотографии, сделанные Иваном Прокопье-

вичем, составили основу еще одной музейной экспозиции.

Но из этого случая ребята вынесли и другое, может быть, более существенное: они научились внимательнее присматриваться к своим близким, видеть в их жизни не просто прошлое, а историю, общую нашу историю, которую вовсе не обязательно искать где-то на стороне, ибо она всегда рядом, всегда вокруг нас, и ее дыхание веет со страниц каждого семейного альбома.

ПЛАСТМАССОВЫЙ МАК

Когда недавно школьный музей осматривала некая строгая комиссия, гости обратили внимание на яркий, даже слишком яркий пластмассовый цветок. Нарушая лаконичное, скупое оформление экспозиции, он лежал прямо поверх витринного стекла, под настенным планшетом, посвященным не вернувшимся с войны выпускникам, — пластмассовый мак, жгуче-красный, с иссиня-черными тычинками, а рядом веточка пихты, тоже пластмассовая.

— Что это? — удивились члены комиссии.

Люба Нигматзянова, председатель совета музея, объяснила:

— Раиса Семеновна принесла. Юрина мама...

С фотографии чуть исподлобья смотрел паренек с пышной шапкой волос — Юра Вековищев, выпускник сорок второго года.

— Какая безвкусица! — заметил кто-то из гостей. — Этот искусственный цветок портит вам весь интерьер. Неужели вы не понимаете?

— Конечно, — согласилась Юлия Викторовна Сединина, — лучше бы живые цветы. Но тут, знаете ли, совершенно особая история...

Года за три перед тем, накануне Дня Победы, восьмиклассники пригласили к себе Раису Семеновну Вековищеву, попросили рассказать о сыне. А после кто-то из ребят прочитал вслух стихи Юры, сохранившиеся в фондах музея. Обыкновенные стихи, какие во множестве писались и пишутся для стенгазет к праздникам и памятным датам, талантом, пожалуй, не отмеченные, чуть велеречивые, как все юношеские стихи, когда человек еще не умеет облекать свое чувство в точные образы.

Вообще-то старшеклассники с недоверием относятся ко всякому фразерству. Но в тот день высокие, даже высокопарные слова Юрино стихотворения звучали по-иному — время уже оттиснуло на них свою нестираемую печать.

Тихо было в классе. И Раиса Семеновна не выдержала, разрыдалась — от того, наверное, что эти неумелые детские стихи, написанные ее сыном сорок лет назад, кто-то помнит, хранит, читает наизусть.

А потом вдруг сказала:

— Милые вы мои! Я теперь всегда буду сюда приходить... Можно?

И приходила.

Ее уже знали все учителя, многие ребята. Она поднималась на второй этаж, говорила: — Я к Юре...

Ей отпирали дверь музея, приносили стул и оставляли одну. А когда Раиса Семеновна уходила, под фотографией Юры оставались лежать живые цветы.

Так уж получилось, что она не сумела узнать, где похоронен сын. Десятки писем в разные инстанции ничего не дали, ответ был один: «Место захоронения неизвестно...» Среди украинской степи, истерзанной гусеницами немецких танков, затерялась могила Юры Вековищева.

Каждую всну, перед 9 Мая, Раиса Семеновна покупала цветы, шла на воинское кладбище и долго бродила среди надгробий, склоняясь к тем, под которыми лежали тезки ее сына. Каждому Юрию она клала по цветочку и по веточке пихты.

Теперь Раиса Семеновна стала приходить в школу на улице Восстания. Это было единственное место на земле, где помнили сына, и здесь делалось тепло на душе от человеческого участия, от сознания, что память о Юре не умрет вместе с ней.

Однажды она сказала:

— Может быть, я сегодня в последний раз сюда пришла. Уж сил нет в гору подыматься. Вот положу Юрочке цветы, а они засохнут, и вы их все равно выбросите. Пусть ему от меня хоть такой останется. — И положила под фотографией сына пластмассовый мак.

Но для тех, кто знает историю этого цветка — а знают ее в школе все, он кажется пре-

красным, как живой, потому что за ним боль, память, любовь.

Юра Вековищев — маме (1. 03. 43 г.):

«Сообщаю, что уже почти три месяца нахожусь на фронте, бьем немецких оккупантов. Мы прошли с боями уже всю Воронежскую область, всю Курскую, вышли к Дону. Сейчас гоним фашистов с Украины...»

Р. С. Вековищева — директору школы В. Г. Даньшиной (27. 04. 81 г.):

«...Значит, мой Юра еще счастливый, что не забыт, и не зря пролил кровь за Родину. Нашлись дорогие добрые сердца. Я думала, что навсегда забыт мой сын и никто не вспомнит о нем. Но я ошиблась, и теперь мне можно спокойно умереть. Спасибо Вам, Вера Григорьевна, что Вы встретили меня, как родную мать...»

ГОЛОСА

В древней Руси свидетель на суде назывался не «свидетелем», а «послухом»: он слышал, и он рассказывает о том, что слышал.

Таким «послухом» многих следопытских встреч стал портативный магнитофон «Ровесник». Куда только не ездил он с ребятами — и в Молдавию, и в Москву...

Олег Плотников нажимает черную клавишу, и гости, пришедшие в музей на экскурсию, слышат голос Евгения Михайловича Ежова:

— Вы спросили о самом для меня памятном боевом эпизоде. Много их было, памятных. Но, пожалуй, чаще других вспоминаю один из первых моих вылетов. Это было на Северном Кавказе...

Летом сорок второго года фашисты рвались на юг, к бакинской и грозненской нефти. Под Гизелем, готовясь перейти в наступление, они сосредоточили большое количество танков. Летчики 7-го отдельного гвардейского полка штурмовой авиации, в котором служил Евгений Ежов, получили задание не допустить прорыва противника в этом районе, нанести удар по вражеской технике.

Рано утром эскадрильи вылетели к тому месту, где воздушная разведка обнаружила скопление танков.

Мелькнула внизу узкая серая лента реки, воспетой Лермонтовым: «Под горой струится Терек, плещет мутный вал...» Теперь по Тереку проходила линия фронта.

Еще при подходе к цели штурмовики были встречены плотным зенитным огнем. Внезапно Евгений почувствовал, что правый мотор, пораженный осколком, начал чихать, давать перебои. Огромных усилий стоило летчику не отстать, не покинуть строй. А в гористой местности не так-то просто заметить с высоты замаскированные танки. Пришлось, еще не видя цели, снизиться до бреющего полета. И все под огнем...

Ага, вон они!

Евгений из последних сил идет в строй. Чуть-чуть, может быть, отстает.

Бомбы сброшены, и он на искалеченном самолете, но вместе со всеми делает второй заход: сейчас эскадрилья даст залп реактивными снарядами. По радиации звучит сигнал: «Огонь!» Плавится искореженная броня «тигров» и «пантер», однако в самолет Евгения угодило еще несколько зенитных осколков.

На этот раз повреждены плоскости — нарушено управление, самолет едва слушается штурвала, а на оторвавшуюся от группы машину уже навалились два «мессершмитта».

Оставшись один, преследуемый пулеметными трассами, Евгений все же сумел дотянуть до Терека, над которым прошел, почти задев крыльями «мутный вал», и посадил самолет на своей территории.

Глуховато и как бы бесстрастно звучит голос Евгения Михайловича:

— Вы спрашиваете о том, какими качествами должен обладать летчик. Для штурмовой авиации главное — сплоченность, умение постоянно чувствовать в бою крыло товарища. И, конечно, летное мастерство. Те умение и сноровка, которые когда-то, в мирное время, были предметом гордости, особого пилотского шика, в войну стали необходимостью. От них зависела не только твоя жизнь, не только жизнь твоих товарищей по экипажу, но и судьба операции. А по большому счету — и судьба страны...

Без такого мастерства вряд ли сумел бы гвардии капитан Евгений Ежов совершить 209 боевых вылетов, сбить в воздухе девять вражеских самолетов и еще тридцать уничтожить на земле.

Героем Советского Союза он стал 26 октября 1944 года, в один день с другим выпускником школы № 47 — Григорием Лядовым.

Все соединение хорошо знало Ил-2 под номером шестнадцать, на фюзеляже которого, сделанная крупными белыми буквами, выделялась надпись: «За Родину!»

А на бронешитке мотора полковой художник нарисовал управляющего самолетом маленького сердитого ежика.

«Когда ты в воздухе, — шутили друзья Евгения, — фашист в ежовых рукавицах...»

А вот уже другая кассета вставлена в магнитофон, звучит голос Александра Афанасьевича Гуменюка — колхозника молдавского села Хитрешты. Он был очевидцем гибели Григория Лядова, и ребята записали на пленку его воспоминания.

И еще один голос — Владислав Васильевич Рочев говорит о своем погибшем брате Юрии.

Выступление Анатолия Ильича Крохалева записано здесь, в школе, а голос Сергея Федоровича Куфонины доносится из его московской квартиры.

Голоса, голоса...

Факты и даты теплеют от интонации, и пауза иногда значит больше, чем произнесенное слово.

Вспоминает вдова Героя Советского Союза Алексея Вениаминовича Гашкова, Лидия Кирилловна:

— Мы с Алешей знакомы были с детства. Учились в одной школе — сорок восьмой, а уж потом он перешел в вашу. То он придет на вечер ко мне в школу, то я к нему. Зимой целыми вечерами пропадали на катке. Алеша катался отлично, был членом сборной Мотовилихи по конькобежному спорту...

Маша Старцева, Володя Коряков, Аня Се-

динина, другие ребята из 6«а» класса заранее подготовили вопросы, распределили между собой, кто какой вопрос задаст (самый сложный у Тани Забродиной), и вместе с классной руководительницей Галиной Петровной Бочкаревой и первой своей учительницей Фаиной Петровной Неверовой, взяв магнитофон, пришли к Лидии Кирилловне.

Слышен тонкий напряженный голосок Тани Забродиной:

— Расскажите, пожалуйста, каким Алексей Вениаминович был отцом и мужем.

И Лидия Кирилловна рассказывает, как почти девять лет ждала Алексея, пока он учился в летном училище и воевал, как радовалась его письмам, как оба они сумели пронести свою любовь сквозь испытания и разлуку и как ни разу в жизни даже мгновения такого не было, когда бы она пожалела о том, что именно этот человек стал ее мужем, отцом ее детей...

А вот голоса Алексея Вениаминовича нет на пленке.

Не сохранили его ровный, спокойный, всем в школе знакомый голос. Казалось, он всегда будет звучать рядом. Не торопились. Думали, успеется...

Не успелось.

НИ СЛОВА О СЕБЕ

Ушел из жизни Алексей Вениаминович, и ребята спохватились: как же так? Ведь о нем-то, самом близком для школы человеке, они, оказывается, сумели узнать гораздо меньше, чем о других Героях.

Но кое-что, конечно, знали.

Знали, что хотел Гашков быть учителем, а пришлось стать штурманом бомбардировочной авиации.

Знали, что по числу совершенных боевых вылетов (778!) немногие могли с ним равняться.

Были известны и некоторые цифры: взорвано 6 вражеских складов и 4 эшелона с горючим и боеприпасами, подавлено свыше 70 огневых точек, вывезено на Большую землю около ста раненых партизан...

31 марта 1942 года в зоне сильного зенитного огня Алексей Гашков прицельным бомбометанием уничтожил огромный склад с боеприпасами в поселке Коркино. После этого налета в горящем складе целых шесть часов продолжали рваться снаряды и мины, которые должны были обрушиться на Ленинград.

12 июня того же года и тоже под Ленинградом штурман Алексей Гашков нанес точный удар по химическому комбинату в городе Кириши, где немцы организовали зарядку снарядов и бомб. Летчик Владимир Оборин был ранен и на обратном пути, ослабев от потери крови, временами начал терять сознание. Тогда Алексей сам сел за штурвал самолета и благополучно привел его на аэродром.

Но почти все, что знали ребята об Алексее Вениаминовиче, они почерпнули из книг и газет. Эти немногие сведения стали, так сказать, достоянием прессы и постоянно кочевали из одной публикации в другую.

Впрочем, наверное, не стоит очень уж упрекать ребят в невнимательности. Сколько раз просили Алексея Вениаминовича:

— Расскажите, пожалуйста, о себе.

А он, отделавшись парой общих фраз, начинал говорить об однополчанах, о боевых друзьях, и так это было захватывающе интересно, такие необычайные человеческие судьбы, как драгоценные книги, бережно пролистывал перед ребятами Алексей Вениаминович, что первоначальный вопрос как-то забывался, отходил на второй план.

Наконец напоминали:

— Вы же обещали о себе...

Он искренне удивлялся:

— А я о ком?

И начинал вспоминать недавнюю встречу экипажей своего полка, проходившую под Псковом, так что разговор сам собой опять неуклонно перетекал в прежнее русло: друзья-товарищи, мертвые и живые.

Голос Алексея Вениаминовича не сохранили, но фотографии есть. И немало. Правда, попали они в музей главным образом уже после его смерти. Ему было как-то неловко отдавать свои фотографии. Отдать — значит, тоже рассказать о себе. А этого Алексей Вениаминович не любил.

Есть снимки тридцатых годов: Алеша-подросток, Алеша — член сборной по конькам, Алеша и Лида... Есть военные фотографии. И много снимков последних лет, когда Алексей Вениаминович на общественных началах был заместителем директора школы по военно-патриотическому воспитанию.

От десятилетия к десятилетию меняется лицо, словно упорно проступают в нем те глубина и мягкость, которые были приглушены трудной юностью, годами войны, и начинаешь понимать, что да, конечно же, этот человек должен был стать учителем. Не его вина, что время распорядилось иначе... Бывают лица, которые с возрастом становятся мудрее, значительнее, прекраснее — с них как бы стирается все случайное, черты как бы формируются многолетней работой души. Таким было лицо Алексея Вениаминовича Гашкова. Удивительное лицо...

В последние годы, выйдя на пенсию, он много времени отдавал школе. Трудно даже

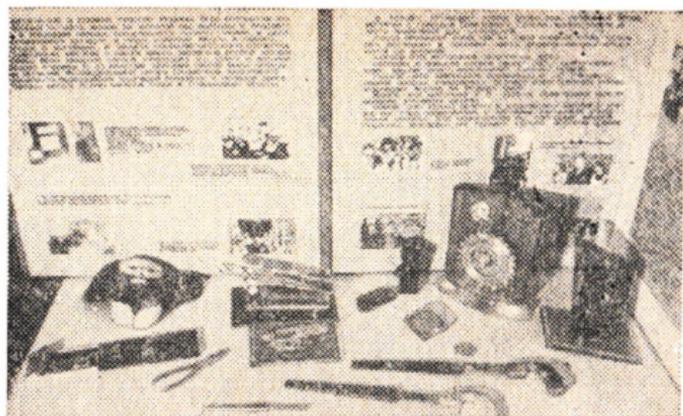
перечислить все дела, участником, а чаще организатором которых он был. Это и открытие мемориальной доски на здании школы, и новые экспозиции музея, и пресс-конференция, посвященная 30-летию Победы, и встреча в школе пятерых Героев Советского Союза, ее бывших учеников. Он был неизменным начальником штаба военных игр «Зарница» и «Орленок», приходил на классные часы, повязывал галстуки вступающим в пионеры октябрятам.

Каждый год, накануне Дня Советской Армии, Алексей Вениаминович принимал торжественный парад юнармейцев и старшекласников. Гремел оркестр, выносили школьное знамя, и строем, печатая шаг, с песнями времен гражданской и Великой Отечественной один за другим проходили мимо классы — шли, равняясь не только на знамя, но и на стоявшего рядом высокого человека с седыми висками и мягким, чуть печальным взглядом.

Да, ребята немного успели узнать об этом человеке. Зато они хорошо узнали его самого, и еще не известно, что на самом деле важнее.

В юности Алексей Вениаминович хотел стать школьным учителем.

Он и стал им.

ВЕЧЕР В ЛЯДОВЕНАХ

Июнь 1984 года. Сквозь гул толпы и гудки электровозов прорезается звон гитары: ребята ожидают посадки на скорый поезд Пермь — Москва. Семиклассники, восьмиклассники. Всего тридцать шесть человек — поисковый отряд школы № 47. Командир отряда — Лариса Двинянинова, комиссар — Игорь Кулышев. С ребятами едет Юлия Викторовна Сединина.

На перроне кто-то интересуется:
— Далеко собрались, гвардейцы?

Отвечают сразу несколько голосов:

- Далеко.
- В Москву?
- Дальше...

Билеты взяты до города Бельцы Молдавской ССР, в Москве — пересадка.

Подают состав. Путешественники рассыпаются по вагону, занимают места. Кое-кто из родителей и бабушек, нарушив строжайший запрет («Не провожать!», «Не маленькие!»), все-таки пришли на вокзал, но поезд трогается, и ослушники прощены. Им машут руками, в ответ летят воздушные поцелуи, последние наставления, и вот уже по вагону гуляет свежий камский ветер, с грохотом проносятся за окнами пролеты моста.

Кто-то кричит:

— А вон наша школа!

И в самом деле, видна. Далекий крошечный кубик на Висимском холме, сквозящий за деревьями. Мелькнул и пропал.

На столики выкладывается домашняя снедь, шипит лимонад в бутылках. К ребятам подсаживаются попутчики. Вопросы, конечно же: куда едут? к кому? зачем?

Ребята рассказывают про Гришу Лядова, про молдавское село Сингурены, где он похоронен. И добавляют:

— Теперь это село по-другому называется. Лядовены.

Звучное название не сразу соотносится с простой русской фамилией, приходится пояснять:

— По-нашему, Лядово... В честь Гриши.

В Москве пересадка, еще день на колесах, и уже виноградники за окнами окутывает вечерняя дымка, деревни и станции проносятся мимо гроздьями огней.

— Готовьтесь ночевать на вокзале, — говорит Юлия Викторовна.

Из Москвы в Лядовены послали телеграмму, но не очень-то надеялись, что кто-то будет их встречать в два часа ночи.

И вдруг...

На перроне в Бельцах Юлия Викторовна сразу попадает в объятия старого знакомого — Николая Михайловича Цуркану. Это тот самый Коля Цуркану, который сорок лет назад стоял у открытой могилы Григория Лядова. После войны он окончил педагогический институт, стал директором школы в родном селе, а недавно со своими учениками побывал в Мотовилихе.

Николай Михайлович приехал не один. С ним Володя Гордилэ, секретарь комсомольской организации колхоза... Автобус мчится сквозь город, выруливает на шоссе. Ребята устали, молчат. А Николай Михайлович спрашивает о матери Григория Лядова, Таисии Андреевне. Как она там? Здорова ли?

Таисия Андреевна уже приезжала в Лядовены. Она — почетная колхозница колхоза имени С. М. Кирова, получает от правления персональную пенсию. Двадцать лет прошло с тех пор, как тело ее сына перенесли и торжественно похоронили на новом месте — в центре села. На могиле теперь стоит памятник Григорию Лядову.

Стелется под колеса асфальтовое шоссе, воздух пропитан ароматом садов, табачных и розовых плантаций.

— У нас есть что посмотреть, — говорит Николай Михайлович. — Колхоз-миллионер, один из лучших в республике. Выращиваем виноград, фрукты, розы, табак...

Кто-то из мальчишек, развалясь на сиде-

ные, картинным жестом подносит ко рту зажатую между пальцами шариковую ручку — делает вид, будто курит.

Николай Михайлович смеется:

— Наш табак особо ценных сортов. Не для курильщиков. Идет в промышленность — химическую, медицинскую.

— Черешня и вишня уже спели, — говорит Володя Гордилэ. — Поможете убрать?

Вопрос явно лишний, для того и приехали.

За речкой Реут автобус тормозит возле здания школы. Там уже все приготовлено к приему гостей — из двух классов вынесли парты, поставили кровати. С дороги ребята получают по стакану чая с булкой, и — спать.

Утром пошли смотреть памятник. Плита серого камня, черный постамент, на нем бюст Григория Лядова, высеченный из красного гранита. Лицо всем знакомо по фотографии в школьном музее, но здесь оно другое — суровее, взрослее, решительнее.

А кругом дома под черепичными крышами, стены расписаны яркими узорами, оплетены виноградной лозой. Сочные гроздья висят прямо над окнами. Наверное, сорок лет назад, проходя мимо обгорелых развалин и жалких, крытых соломой хатенок, летчики и не думали, что такими станут Сингурены.

Возле многих домов — колодцы, причем не во дворах, а на улице, чтобы каждый прохожий мог напиться: кроме ведра, обязательно есть и кружка. Хозяева спорят, в чьем вода слаще. К воде у молдавских крестьян отношение особое. Святое. Здесь говорят, что в па-

мать о своей жизни на земле человек после себя должен оставить колодец. На одном так и написано: «Колодец дяди Василия»... Подходят колхозники, спрашивают, откуда приехали. А когда узнают, что с Урала, земляки Григория Лядова, зазывают в гости, выносят угощение.

На аэродроме, где базировался 511-й авиапункт, теперь разбит фруктовый сад. В селе его называют «Сад памяти». На крошечных, полтора-два метра высотой, яблоньках здесь вызревают исполинские яблоки весом до восьмисот граммов. И розы вокруг. Море роз!

— Во время войны мы жили вон там, на краю аэродрома, — показывает Николай Михайлович Цуркану. — И Григория тогда похоронили совсем недалеко от нашего дома. Поставили на могиле фанерный обелиск со звездочкой...

А через несколько дней, после проведенной у школы линейки, ребята строем двинулись к центру села, к скверу перед Домом культуры, где стоит памятник Григорию Лядову.

Шли медленно. Впереди командир и комиссар отряда — Лариса и Игорь — несли венок.

Через минуту они передали его следующей паре, те — следующей.

Каждую минуту венок принимала новая пара, а предыдущая уходила в конец колонны.

Был вечер. Колхозники, стоя у ворот, любовались торжественным и строгим ритуалом шествия.

После возложения венка — митинг. На него собрались сотни жителей села. В почетном

карауле попарно стояли мотовилихинские и лядовенские ребята.

Кто из них первым начал вести поиск? Откуда вначале потянулась ниточка: из Молдавии на Урал или с берегов Камы на берега Днестра? Теперь это уже не важно. Недавно, например, лядовенские следопыты записали рассказ очевидца гибели Григория и послали копию в Мотовилиху. А оттуда получили запись воспоминаний школьного товарища Гриши, с которым они вместе снимались в массовке знаменитой комедии «Волга-Волга»... И сейчас, когда показывают по телевидению этот старый, но еще популярный фильм, среди купающихся в реке пацанов можно различить на мгновение выхваченное крупным планом веселое и мокрое мальчишеское лицо Гриши Лядова. Кажется, у этого мальчишки впереди огромная безоблачная жизнь...

Истекла минута молчания.

Каждый из тридцати шести бойцов отряда взял с могилы по щепотке земли — в особой шкатулке они привезут эту землю в школьный музей.

А после митинга одна из старожилок села подарила гостям полотенце, расшитое национальным орнаментом. Такое полотенце — знак памяти и любви.

Две недели работали ребята в «Саду памяти», помогали убирать урожай вишни и черешни. И отлично работали. Даже в республиканской газете «Советская Молдавия» появилась фотография лучших сборщиков: Лены Чеботаевой, Жени Шевелева, Андрея Умпе-

лева и Ирины Кремневой. Это лишь в первый час казалось, что работа будет легкой и веселой. Знай сиди на лесенке, уплывай за обе щеки ягоды да покидывай в ведро. Но есть норма! И выполнить ее куда как непросто. Ведь дневная норма сбора черешни — пять ящиков, вишни — четыре. На одного сборщика, разумеется. А входит в каждый ящик ни много ни мало — два ведра.

СТРАНИЧКИ ИЗ ОТРЯДНОГО ДНЕВНИКА

4 июля. Особенно много сил не тратишь, когда сидишь на черешне и одну за другой отправляешь сочные, спелые, пахнущие солнцем ягоды прямо в рот. Да, вначале работа идет преимущественно в этом направлении: ветка — рот. Иногда, очень скромно, ягода идет по другому пути: ветка — ведро. Потом поток груза в эту сторону увеличивается, с деревьев передаются полные ведра отборных ягод, один за другим наполняются ящики. Изредка то тут, то там слышен глухой шум, затем — удар, чаще два удара — это упали лесенка и тот, кто на ней сидел. К счастью, все приземления были удачными...

5 июля. Молдавские ребята сами пришли к нам в гости, и, конечно же, сразу образовалось две группы: мальчики и девочки. Какие гостеприимные у нас хозяева! Хотя сегодня они сами были в гостях...

6 июля. Опять поздно ложимся! Полчаса прощались с нашими гостями, то есть хозяевами...

13 июля. Первый день работали «на вишне». Вишня — дерево хрупкое, нежное, ягоды на нем растут не такими гроздьями, как на черешне, поэтому нам трудно было собрать столько, сколько собирают молдавские ребята. Но зато и норма меньше! Все дружно забралось на лесенки, и застучали вишенки по доньшкам ведер. Андрей Умпелев ликовал: «Ура! Вишня — не черешня! Дадим план!» Трудились, как муравьи. Не заметили, как настало время грузить ящики. Не заметили даже, как плавно планировала Лена Тарапыгина на полное ведро вишни. С трепетом смотрели на весы: сколько же? Ура! Норма есть!

Однажды ребят пригласили на праздник труда — традиционный колхозный праздник, которым ежегодно отмечается начало уборочной страды. И не просто пригласили, а предложили принять участие в концерте самодеятельности.

Едва вернулись из сада, едва отмыли сладкие и липкие от вишенного сока пальцы, тут же начали готовиться к выступлению. Дотемна звенели гитары: репетировал отрядный ансамбль. На концерте решили показать композицию, посвященную истории школы.

Подготовили ее еще дома, перед отъездом, а когда ехали в поезде, решили проверить впечатление на попутчиках. Созвали со всего вагона зрителей, и получилось вроде бы неплохо. Попутчики, во всяком случае, остались довольны. Но были и сомнения: в поезде-то скучно ехать, любому развлечению обрадуешься... А что лядовенцам школа в далекой Мотовилихе!

На следующий вечер по улицам села потя-

нулись нарядно одетые люди. Шли к Дому культуры. Там, у крыльца, уже стояли музыканты в национальных костюмах, наигрывали веселые молдавские мелодии.

Во время торжественной части, когда шло награждение передовиков труда, ребята поднесли хозяевам свой сувенир — маленький уральский самовар. А сами от парторга хозяйства Якова Федоровича Нинеску получили грамоту за помощь колхозникам (четыре тонны ягод собрали!). Кроме того, каждый боец отряда награжден был почетным значком «30 лет колхозу им. С. М. Кирова».

Затем — перерыв, а после перерыва сразу же вызвали гостей.

Смущаясь, вышли ребята на ярко освещенную сцену. Лица, лица внизу. Мужские и женские, молодые и старые, оживленные и спокойные.

Четко и строго, как на воинской поверке, звучат имена восьми Героев Советского Союза.

И затихает зал.

Восемь имен, восемь золотых звезд школы, чья история прошла в этот вечер перед колхозниками молдавского села Лядовены.

А потом, когда после концерта остановились на минуту возле памятника Григорию Лядову, Николай Михайлович Цуркану вспомнил слова французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Летчику известно, что восток светлеет задолго до того, как взойдет солнце...»

ПАМЯТЬ И СЛАВА

На дверях школьного музея — объявление: 19 декабря состоится викторина «Что ты знаешь о Герое Советского Союза Г. Г. Лядове?» Далее следует длинный перечень вопросов. Среди них такие:

В какой популярной кинокомедии снимался Гриша Лядов?

Когда, где и за что получил он свой первый орден?

Какая надпись была на фюзеляже его самолета?

Кто были боевые друзья Григория, товарищи по экипажу?

Девятнадцатое декабря — день рождения Григория Лядова, стал традиционным школьным праздником. Накануне проводится военно-спортивная эстафета на кубок его

имени, а в этот день собираются в школе шефы, родители, выпускники прошлых лет. Гостей знакомят с новыми материалами о жизни Григория Лядова, звучит «Реквием», затем — минута молчания...

Обычно в этот день приезжает в школу и мама Гриши, Таисия Андреевна. А если не может приехать, то пионеры из отряда, носящего имя ее сына, покупают цветы и вместе с классной руководительницей Валентиной Спиридоновной Красных сами отправляются в поселок Ляды. Таисия Андреевна встречает их у накрытого стола, говорит:

— Ну что, родные мои, давайте садитесь. Будем праздновать Гришин день рождения...

Школьный музей открылся 23 февраля 1973 года, и с тех пор постоянно обновляется его экспозиция, растет фонд экспонатов (их уже около шестисот!), пухнут папки с письмами, фотографиями, документами, удлиняется шеренга книг музейной библиотеки.

Первыми директорами музея были Галя Астраханкина и Игорь Грибанов, первыми руководителями — Валентина Ивановна Саликова, Надежда Ивановна Родионовская, Татьяна Федоровна Литвинова. Теперь все нити следопытского поиска держит в руках совет музея: председатель Люба Нигматзянова, члены совета Лариса Двинянинова, Олег Плотников, Игорь Кулышев, Марина Берг и Лариса Поздина. Это они, отлично зная всех «специалистов» по тому или иному разделу, составляют расписание экскурсий, дают задание на поиск, организуют переписку с вете-

ранами, систематизируют архив. То, что лежит в витринах и висит на стендах, это лишь надводная часть айсберга, фонды гораздо богаче, но ребята из совета музея и нынешний его руководитель Юлия Викторовна Сединина знают каждую бумажку в своем огромном хозяйстве.

Иногда вдруг придет в школу какая-нибудь старушка, спросит:

— Можно мне музей посмотреть?

И стоит возле стендов, подолгу всматриваясь в лица на фотографиях. А потом говорит:

— С ним я училась вместе... А этого еще мальчиком помню. Все, помню, змеев запускал. Мать ругалась: мочала не напасешься...

И плачет. И благодарит:

— Спасибо! Спасибо вам!

И кажется, что в образе этой старушки идет по музею сама История и смотрит в лица на фотографиях, как в зеркало, узнавая в них себя, свою жизнь.

Музей — сердце школы.

Сюда на первый в жизни урок приходят первоклассники, почтительно рассматривают портреты на стенах, еще ничего им не говорящие, и слышат голос первой своей учительницы:

— Эти люди жили в тех же домах, где живете вы, бегали по тем же улицам, учились в тех же классах, где будете учиться вы...

Здесь мальчики и девочки приколют к белым рубашкам и фартучкам октябратские значки, здесь повяжут им пионерские галстуки, и здесь же получают они красные книжечки комсомольских билетов.

Они будут приходить сюда на ленинские уроки и на уроки мужества, будут стоять в почетном карауле у мемориала двадцати двум выпускникам школы, павшим за Родину, и в жизнь этих ребят войдут и навсегда в ней останутся судьбы людей в военной форме, их глаза, пристально смотрящие со старых снимков.

И сюда же, после прощального звонка, десятиклассниками уже, они придут, чтобы оставить в книге отзывов такую, например, запись (ее оставили выпускники 1981 года): «По традиции мы пришли в наш родной музей на свой последний школьный урок. Хотя мы были здесь много раз, но всегда, входя в эту комнату, испытываем волнение. А сегодня волнуемся особенно...»

Но, даже окончив школу, они будут возвращаться сюда, приезжать из других городов, слать письма.

Курсанты военных училищ — бывшие ученики школы и будущие офицеры — ежегодно помогают юнармейцам готовить парады и строевые смотры, проводить игру «Зарница». И не случайно, наверное, лишь за последние годы более тридцати выпускников школы № 47 решили избрать для себя военную специальность.

Мотовилихинские мальчишки, как их сверстники полвека назад, мечтают о небе, и приходят в школу письма с Дальнего Востока от командира эскадрильи Владимира Шманаева, из Киргизии, где служит замполит эскадрильи Владимир Баяндин, делегат XVI съезда ВЛКСМ, участник X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине. Их фо-

тографии висят в музее рядом с портретами летчиков Великой Отечественной.

И все новыми снимками и документами пополняется альбом, посвященный шефам — инструментальщикам пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, среди которых десятки выпускников школы № 47.

Из ее стен вышли рабочие, инженеры, врачи, учителя (многие преподаватели школы и директор, Вера Григорьевна Даньшина, сами здесь учились), журналисты, ученые.

Семьдесят с лишним лет стоит на Висимском холме школа — затененная деревьями, трехэтажная, с двумя маленькими, словно игрушечными, белыми колоннами у входа (а все-таки они задерживают взгляд, создают настроение — не просто дверь!), с пристроями, карнизами, полукруглыми выступами, со сложным, даже запутанным расположением лестниц, коридоров и классных комнат, рождающим ощущение уюта. Школа стоит в гуще пролетарских кварталов и всей своей историей, всей жизнью связана с Мотовилихой.

От шумной, грохочущей трамваями улицы 1905 года — главной мотовилихинской магистрали, круто взбегает вверх улица Восстания, обсаженная тополями и вязами, с травой на обочинах, мощенная классической брусчаткой. На таком склоне асфальт ни к чему, брусчатка удобнее и надежнее. Надсадно гудя, идут на подъем грузовики. Зимой тротуары по обеим сторонам улицы посыпают песком и шлаком, но все равно появляются ледяные дорожки, ликующая ребятня, размахивая портфелями, съезжает по ним вниз — от школы и чуть не до самой трамвайной линии.

Изменился город. С двух сторон наступают новостройки на старые мотовилихинские кварталы, но улица Восстания остается пока прежней. Ребята здесь хорошо знают вкус картошки, посаженной своими руками, терпкую сладость маленьких уральских яблочек с собственной яблони. Крепко стоят основательные, прочные, на века рубленные деревянные дома, окна с резными наличниками, а ставней нет, и заборы не глухие — это в Мотовилихе не ведется. Вся жизнь проходит обок с соседом, который часто не только сосед, но и товарищ по цеху. Здесь уличная ребячья компания не распадается и в школе, а школьная дружба продолжается и после уроков. Многие из того, что происходит в классе, знают и на улице, и на заводе. Похвалят и поругают, если надо, не только учителя и родители.

Высоко на холме стоит школа.

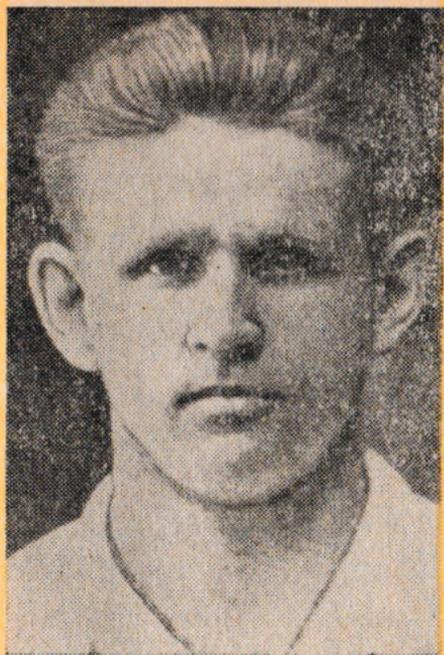
Из окон ее видны заводские корпуса и трубы, дальше — Кама, гулящая синяя щетина лесов на правом берегу, белые кубики нового комплекса политехнического института.

Справа — Вышка, и памятник на ней, ставший символом всего города, его гербом, его гордостью. И крыши, крыши.

Говорят: школа воспитала героев.

Наверное, это преувеличение. Воспитывает время, а школа, как линза, фокусирует луч.

Но здесь, на Висимском холме, умеют направить этот луч прямо в ребячье сердце.

Потомственный мотовилихинец Николай Петрович Мингалев был не только педагогом, но и артиллерийским офицером. Воевал под Халхин-Голом, а в 1941 году, в первые дни Великой Отечественной, вместе со своими учениками ушел на фронт.

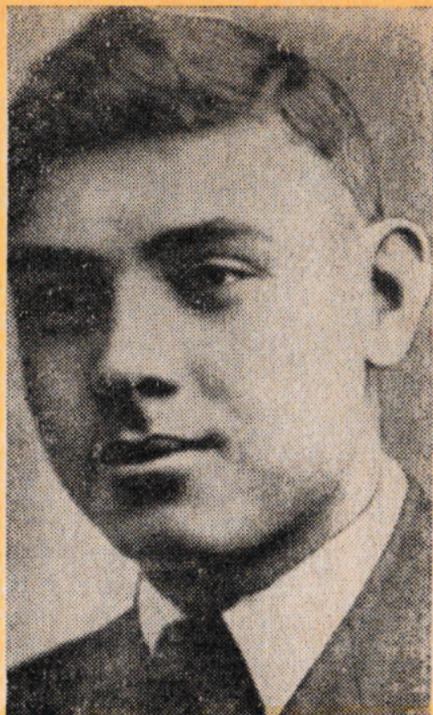
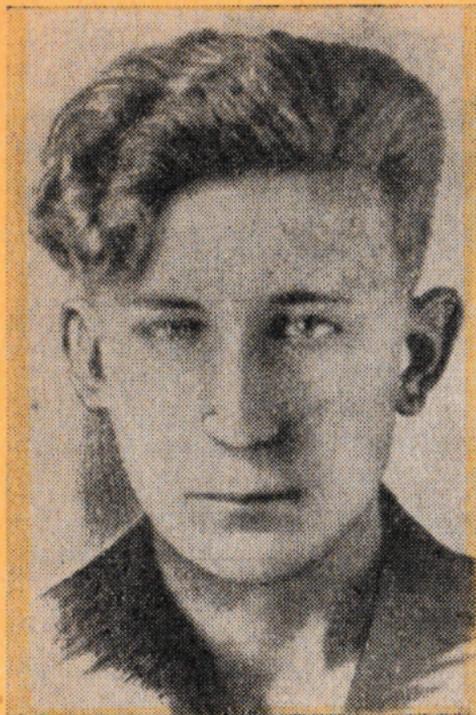
Петр Александрович Ветшев — школьный военрук, как тогда называли тех, кто преподавал ребятам азы трудной солдатской науки. Одним из первых ушел на фронт, был примером выполнения воинского долга.

Встречи в школьном музее со знатными рабочими — одна из традиций «школы Героев».

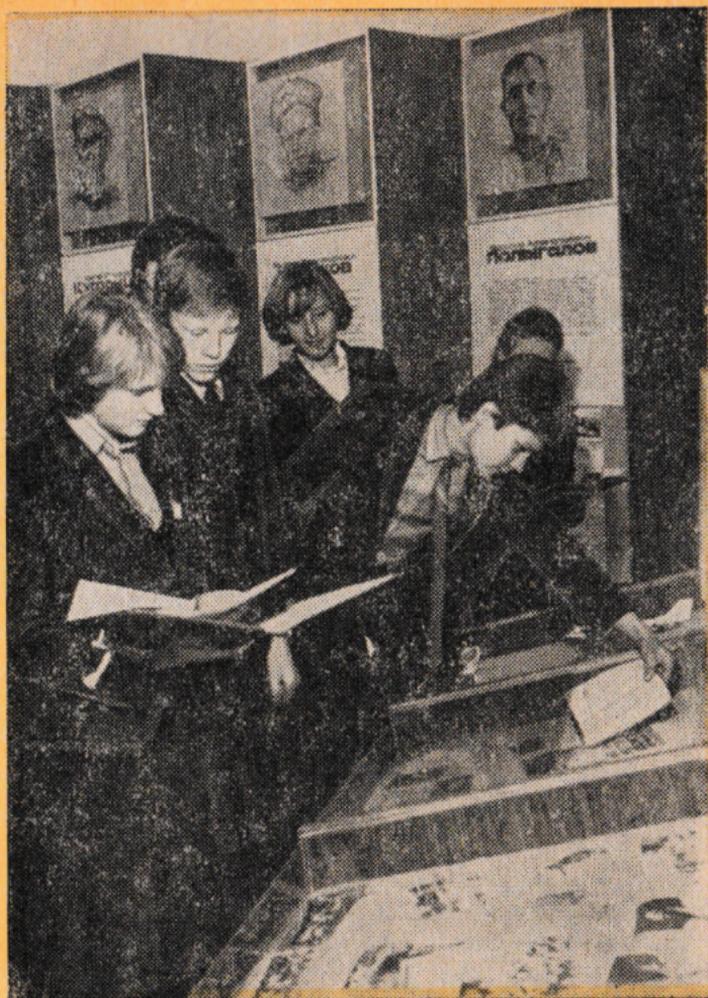
Идет заседание совета музея. Музей открыт 23 февраля 1973 года. Постоянно обновляется его экспозиция. В фонде экспонатов более шестисот редких фотографий, предметов-реликвий. Ребята ведут переписку со многими из бывших учеников школы, тех, кто из «огненного» выпуска. За большую работу по военно-патриотическому воспитанию школьный музей награжден дипломом ЦК ВЛКСМ, выпелом Советского комитета ветеранов войны.

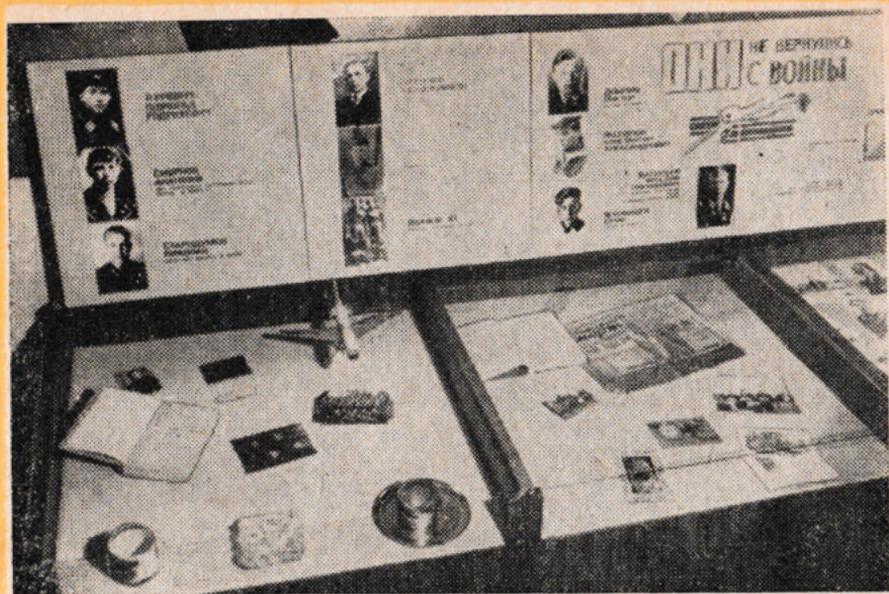
Они из «огненного» выпуска:

Юрий Вековищев

Юрий Иванов.

В год 40-летия Победы ребята из «школы Героев» снова выезжали в следопытский поиск. На этот раз они побывали в семье Героя Советского Союза В. И. Сафонова.

В музее новая экспозиция: личные вещи Владимира Ильича Сафонова.

Это учащиеся выпуска мирных лет. Но они выбрали, как многие выпускники мотовилихинской школы № 47, военную профессию, чтобы охранять мирный труд нашей страны.

Владимир Баяндин — замполит эскадрильи, коммунист, делегат XVI съезда ВЛКСМ.

Военный инженер Александр Старцев закончил одно из военных училищ Перми, достойно несет службу в рядах Советской Армии.

Леонид Абрамович Юзефович

ШКОЛА ГЕРОЕВ

Документальная повесть
в рассказах

Зав. редакцией *А. Лукашин*
Редактор *Б. Зеленин*
Художник *И. Спориус*
Художественный редактор *М. Бурдов*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректор *Л. Крамаренко*

ИБ № 1379

Сдано в набор 15. 01. 86. Подписано в печать 4. 04. 86. ЛБ02055. Формат 70×90¹/₃₂. Бум. офс. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,43. Усл. кр.-отт. 13,01. Уч.-изд. л. 6,937. Тираж 15 000 экз. Заказ № 95. Цена 40 к.
Пермское книжное издательство, 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

© Пермское книжное издательство, 1986.

Юзефович Л. А.

Ю20 Школа Героев: Документальная повесть в рассказах. — Пермь: Кн. изд-во, 1986. — 176 с.

Восемь Героев Советского Союза, и все они — питомцы одной школы. Об истории пермской школы № 47, становлении характеров будущих защитников Родины рассказывается в этой книге.

Ю $\frac{4803010102-28}{M152(03)-86}$ 42—86

371